

16+

Евгения Черноусова

Письмо паршивой овцы

Евгения Черноусова

Письмо паршивой овцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56443448

SelfPub; 2020

Аннотация

Она о себе говорит, что подобна сыру: снаружи твёрдая, а внутри большие дырки. Дырка «профессия», дырка «семья», дырка «материнство», дырка «мама». А потом становится ещё хуже: с работы увольняют, с братом несчастье, полиция в покушении на убийство обвиняет. А потом и на неё покушаются. Что делать? Разобраться и начать новую жизнь!

Содержание

Глава первая.	4
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвёртая.	36
Глава пятая	43
Глава шестая	53
Глава седьмая	63
Глава восьмая	71
Глава девятая	82
Глава десятая	96
Глава одиннадцатая	111
Глава двенадцатая	121
Глава тринадцатая	131
Глава четырнадцатая.	147

Глава первая.

– Кожевникова? Инна Леонидовна? Сейчас уточню. Саш, есть у нас такая?

– Среди сотрудников?

– Среди задержанных!

– А... сейчас. Да, вспомнил! В понедельник Мильчикову в клубе с лестницы сбросили...

– Может, сама свалилась?

– Да нет, упала она уже тушкой, даже не расшиблась серьёзно. Удар тупым предметом по голове. Два дня в отключке, били насмерть. Из области на вертолёте нейрохирурга прислали с бригадой, он после операции даже не гарантировал, что из комы выйдет. Но прогноз не оправдался, сегодня она очнулась и сказала, что её эта Леонидовна ударила. Вячеслав Михайлович поручил задержать и допросить.

Иван Иванович в трубку сказал:

– Сергеич, слышал или повторить? – отодвинул от уха, поморщившись. – Ну, давай, подгребай, – бросил телефон на стол и ругнулся. – Хозяин жизни, мать его! Сейчас прилетит. Милашка, что ль какая? Саш, ты её видел?

– Не. Я пойду?

– Нет уж, сначала погляди, быстренько вернись и доложи.

Вернулся Огородников шустро, буквально через несколько минут. Ухмылялся.

– Ладно скалиться, докладывай! Модель безмозглая, но с пышным бюстом? У Царька все такие, начиная с жены.

Сашка закатился хохотом:

– Бюст – да, пышный! И в ботах!

– Отставить ржанье! Докладывай!

– Значит, так. Лет примерно сорок пять. Вес – килограмм 80. Ноги такие фузерами – в щиколотках тонкие, в икрах – во! На ногах боты. Вот те крест, Иваныч, такие боты бабуля моя носила. Войлочные, впереди молния. Волосы в пучок заколоты, очки сильные в круглой оправе, глаза за ними как пуговицы.

– Наверное, родственница. А сказал, что сотрудница его. Ладно, иди! Во, уже здесь! Здравствуйте, Сергей Сергеевич, вы с утра об электорате в заботах? Не волнуйтесь, невинную не засудим!

– Знаю я вас, сатрапов! Слушай, Иваныч, может, эта Мильчикова от удара по башке ку-ку? Не может Инна Леонидовна человека ударить! Я в ней больше чем в себе уверен! Что сама-то говорит?

– Её недавно доставили, не знаю ещё.

– Так пойдём, спросим!

Иван Иванович засопел недовольно, но возражать не стал. Только со злорадством подумал, что пусть попрыгает депутат по их ступеньках на костыле и с загипсованной ногой.

– Чего это тебя так поломало по диагонали? Нога правая, а рука левая?

– Ты думаешь, я помню, как летел? Благо что жив остался. А что по диагонали – это даже хорошо. Костыль со стороны больной ноги держать есть чем.

Задержанную Саша описал точно. Такая она и была. Но это он её ещё не слышал! От грузноватой тётки Иван Иванович ожидал низкого или глухого голоса, но никак не такого! Она отвечала тоненьким, каким-то детским голоском. Оказалось, она у Царьковой парализованной матери сиделка. В тот день как пришла чуть позже восьми (в магазин за продуктами для пациентки заходила), так и не выходила из квартиры до девяти вечера. Говорила, что, как и всегда, к ним никто не заходил кроме массажистки, которая обычно приходила в двенадцать, а в понедельник пришла на час раньше. Что Наталья Петровна спала, и, чтобы её не будить, потому что после пробудки она всегда злится и капризничает, предложила массажистке пообедать. Так что ушла она ближе к двенадцати. И всё, потом до вечера были они вдвоём, пока Валентина не пришла после работы. Это ещё одна сиделка, ей Царёв в квартире комнату выделил, где она живёт с маленькой дочкой и по ночам за бабулей приглядывает. А днём две дневные сиделки через день по очереди.

– Ну вот, не могла Инна Леонидовна по башке ударить, – убеждённо заявил её работодатель.

– А Мильчикова уверяет, что она, – возразил Иван Иванович.

– Ну и что? Слова одной против другой. Какие основания

у вас Мильчиковой верить? Инна Леонидовна здорова, а у этой травма головы. Может, у неё амнезия?

– Амнезия – это когда ничего не помнишь. А она сразу вспомнила, кто её ударил, – возразил Иван Иванович. Но сам засомневался. Он считал себя человеком проницательным. Как-то не тянула эта тётка на убийцу. Видно же, что человек уравновешенный, характер не взрывной. – Инна Леонидовна, а какие у вас с ней взаимоотношения?

– Да никаких. Когда она к нам начальницей пришла, всё было первое время нормально. Потом вдруг стала придирается. А потом предложила написать по собственному. Ну, я написала и ушла. Больше не виделись.

– А почему она предложила? Ну, чем мотивировала?

– Да я не спрашивала. Подумала, кому-то эту ставку обещала...

– И вы не возражали?

– А толку?

– Ну, вы нормально исполняли обязанности?

– Я работала в отделе культуры делопроизводителем, но числилась на ставке заведующей автоклубом. С такой позиции сдвинуть очень легко, стоит только потребовать выполнения обязанностей согласно должностной инструкции.

– Ты знаешь, сколько она там получала? Чуть больше минималки! За такую зарплату по башке не бьют, – опять загорячился Царёв.

– Кому ты это говоришь? Я сколько случаев тебе могу рас-

сказать, когда за мелочь или за поношенную куртку убивали. Да, не повезло вам. Беляков, – обратился он к полицейскому, ведущему допрос. – А нет там где-нибудь на подходе к клубу камеры?

– На универмаге есть. Главный вход просматривается. Но можно ещё через ворота пройти со стороны узла связи и через художественную мастерскую. И со стороны смотровой площадки.

– Видеокамеры! Блин, вот я дурак! У меня же радионяня, – постучал себя по голове Царёв.

– Это как? – спросил Беляков.

– Это такая штука для присмотра за младенцем, – сказал Царёв. – Поставили, когда сестра за матерью ходила. Она у себя в спальне могла слышать, если мать голос подавала. А потом, когда чужие люди стали ухаживать, мне посоветовали сменить технику. Теперь можно за спальней наблюдать с помощью смартфона.

– Видео?

– Да нет, зачем. Только радио. Там функция голосовой активации, когда тихо, то няня в режиме ожидания, батарея не расходуется. А когда кто-нибудь звуки издаёт, она оживает и передаёт сигнал. Запись у меня на диске сохраняется, кажется, десять дней, потом затирается. Но я уже полгода, наверное, не прослушивал, с тех пор, как сиделок нанял.

– Но я у вас первый месяц работаю, – возразила задержанная.

– Инна Леонидовна, неужели я бы вас проверять стал?!

«Надо же, какое доверие», – взял на заметку Иван Иванович. А Царёв вытащил из кармана телефон и бормотал:

– Дай бог памяти, как там... диск... и что дальше?

– Сергеич, не гробь технику! Затрёшь ещё запись. Сейчас мы кого-нибудь из техотдела позовём!

Не любил Иван Иванович технарей. Высокомерие и никакой субординации. Как же, специалисты незаменимые! Но разобрался этот Витя быстро, ещё, молодец какой, умудрился Царьков смартфон охаять, карта, мол, там какая-то слабая. Перекинул нужную папку себе на нетбук, спросил:

– Всё слушать будете?

– А там время указывается? – спросил технически непродвинутый Беляков.

– Время активации. Каждой.

– И что там после одиннадцати?

– С 11-01, с 12-40, с 13-08...

– Стоп! Давай 13-08!

Дверной звонок. Невнятный разговор. На лице Инны Леонидовны недоумение. Щелчок. Скрип. какой-то звон.

– А! Это же воду отключали! Соседка зашла сказать. Я во все ёмкости воду набирала.

– Какая соседка?

– Я там ещё не знаю никого по имени. Она сверху, симпатичная такая. Дети у неё. Дочь маленькая, беленькая, такая лопотушка.

– Наташка Огородникова, – сказал Царёв. – Я ей сейчас позвоню, она подтвердит!

– Не надо, – сказал Иван Иванович. – Я сейчас участкового пошлю, он опросит сразу под протокол.

Царёв насупился, что заподозрили в давлении на свидетеля, но промолчал. Заговорили о том, как повезло, что техника включилась аккуратно в момент нападения. И о том, почему это Мильчикова так уверенно указала на свою бывшую подчинённую.

– Нападавший стоял перед ней, она его видела. Скрывает кого? Кто там у неё из близких? Муж? Любовник? Дочь далеко. Какие у неё в семье взаимоотношения? Инна Леонидовна, мужа её знаете? – оживился Беляков.

– Рома? Абсолютно задавленный своей авторитарной женой. Он глаза на неё поднять боится, не то что руку с тупым предметом. Пьянка – его единственный способ протеста.

– А какие у вас с ним взаимоотношения? Могла она вас к нему приревновать?

Инна Леонидовна поперхнулась смехом. Вытащила из кармана платок, сняла очки и начала их протирать. Иван Иванович подумал, что, пожалуй, ей ближе к сорока, чем к пятидесяти. И глаза у неё не пуговицы, а большущие такие серые глазищи, несколько навывкате. И веки выпуклые, гладкие. Специально, что ли, она их прячет за уродливыми этими очками? И весь её прикид – не маскировка ли? Боты эти... да нет, боты вполне соответствуют и потрёпанному пальто, и

вязаной шапке. Откуда чему другому взяться, если получала минималку? А очки не маскировочные, потому что он по теще своей знает, что, когда человек с большой потерей зрения очки снимает, именно так глаза разбегаются. Какая-то в них не то косинка, не то чудинка.

– Я Рому лет пятнадцать знаю. Он не ходок. Да и я не Цирцея. А главное – это то, что Раиса Михайловна очень высоко оценивает себя и очень низко Рому. Меня, кстати, тоже.

Иван Иванович мысленно для себя перевёл: никогда эта холёная молодящаяся начальница не поверит, что можно променять её, такую красивую, на такое потрёпанное ничтожество.

– Низко его оценивает? А что ж получше себе не нашла? – спросил Беляков.

– Она не раз грозила, что разведётся. Может, и разведётся. А может, ей он как боксёрская груша нужен.

– Бьёт, чти ли?

– Нет, конечно. Но унижает с удовольствием.

Тем временем Беляков распечатал протокол и положил на стол перед Инной Леонидовной:

– Вот, на каждой странице: с моих слов...

Она стала расписываться, а тут участковый зашёл. Поздоровался, прошёл к столу, коснулся её плеча, сказал: «Здравствуй, Инночка», вынул из папки два листочка и кинул на стол. Она ему кивнула: «Здравствуй, Володя» и вернулась к бумагам.

– О, и Семёновна видела! Железно, двое свидетелей!

– Что ещё? – спросил Иван Иванович.

– Там бабка в квартире напротив. Она или у подъезда на лавочке сидит, или в глазок подглядывает. А в понедельник Наташу поджидала, что-то у неё спросить хотела. Но услышала про воду и выходить не стала, кинулась вёдра заполнять. Но то, что Инна Леонидовна в это время с Наташей разговаривала, подтвердила.

– Инна, я подвезу, – сказал участковый. – Куда тебя?

– Там моя машина у входа, – перебил его Царёв. – Позвоно водителю, он отвезёт.

– Спасибо, я лучше пройду. Голова разболелась. По дороге чернослив куплю для Натальи Петровны.

Иван Иванович участкового придержал, не дал вслед за ней выйти, нужен, мол, подошёл к столу и стал просматривать шапку протокола. Да, сорок два года, образование...

– А чего ж она с высшим образованием такой фигнёй занимается? Могла бы получше устроиться. Почему по специальности не работает? Владимир Иванович, вы же знакомы?

Участковый вздохнул:

– Мы типа родня. Её бывший муж – двоюродный брат моей Надежды. Она после института в детском садике работала, потому что в школе места не было. Ну, а потом пришлось уйти.

– Да уж договаривай! Тоже кого-то пришибла?

– Скажете тоже! У неё ребёнок родился больной. Врачи

сразу говорили: не будет жить! Семья мужа требовала оставить в роддоме. Но она же внучка поповны. С ребёнком к своей маме переселилась. Где-то около года он жил. А потом... ну, после похорон... не могла слышать детского плача. Вышла на работу, кто-то в группе заплакал, а она сознание потеряла. Вот и пристроили её в отдел культуры.

– И что, с тех пор ни семьи, ни работы приличной? Муж обьелся груш?

– Там семейка – не дай бог. Жадные, сварливые. Они за эти месяцы расчихали, что второй такой кроткой в Утятине не найти. Прямо на поминках начали уговаривать вернуться: вы, мол у алтаря обет верности давали. А она ответила: да, обещали быть вместе и в горе, и в радости. Я теперь умею горе в одиночку переносить. Так зачем мне с кем-то радость делить? Уж как они её потом хаяли! Мол, никчёмная, даже ребёнка нормального выносить не смогла, а туда же, кочевряжится! Андрюха потом с соседкой её Ирккой закрутил. Назло, они же подругами были с детства. Поженились. А гнильца-то оказалась с мужской стороны, и ребёнок у них родился точно такой же! Только Ирка его сразу оставила и в Уремовск перебралась. А Андрюха – на севера. Такая вот история.

– А кто всё-таки эту бабу по балде двинул? – спросил Царёв. – Ведь если убить хотели, так ещё раз треснут. Мне что теперь, купить ещё одну радионяню и Инне Леонидовне на шею вместо колокольчика подвесить, чтобы вы её каждый

раз на допрос не таскали?

Глава вторая

Инна Леонидовна не для того пешком пошла, чтобы в магазин зайти. Чернослив она утром по дороге на дежурство купила. Слезы копились весь этот час, и она с трудом сдержала их до скверика. Хотела перейти дорогу и углубиться в парк, но не донесла.

Присев на скамейку, она сняла очки и уткнулась в платок.

Как всё это гадко, унижительно! Обвинили её в покушении на убийство. И ещё этот начальник! Он глядел на неё, как на какое-то раздавленное насекомое. На боты эти маминны, на пальто. Ну, нет у неё денег и никогда не было! Зарплата маленькая, коммуналка дорогая, после газификации их улицы она с кредитом уже восемь лет никак расплатиться не может...

Скрипнула скамейка.

– Инночка, ты что?

Уселись рядом с ней возрастные примы их народного театра Ираида Семёновна и Таисия Андреевна.

– «Картина ясная: любовь несчастная», – пропела Таисия Андреевна.

– Да ну вас! Я из полиции, – всхлипнула Инна Леонидовна.

Выпытав её историю, Ираида Семёновна сказала:

– Райке череп проломили, вот она и сошла с ума!

– Не пори ерунды, – возразила Таисия Андреевна. – Сходить ей было не с чего. Ума у неё сроду не было.

Инна Леонидовна невольно прыснула. И Ираида Семёновна с приятельницей согласилась:

– Права ты, Тася! Дура она оглушительная. Но всё-таки интересно, за что она Инну ненавидит?

– Да ладно, ненавидит! Просто вредничает.

– Нет, я наблюдала за ней, когда мы Инну на репетицию затащили. Её аж потряхивало от ненависти. Кстати, Инна, а ты почему театр забросила?

– Разве одна я забросила? Да у вас чуть не наполовину коллектив обновился!

– Это точно, – согласилась Ираида Семёновна. – У нас как-то всегда больше мужиков было в составе. А теперь просто цветник! Все девки в возрасте от тринадцати и до бесконечности летят на нашего полурежиссёра как мухи на дерьмо.

– Почему полу?

– Так он ещё учится на режиссёра в какой-то творческой мастерской. Актёрское образование у него пока только. Нет, человек он талантливый. Вот только насчёт баб...

– Ну, и охмурился бы девчонок, – сказала Инна Леонидовна. – Что он перед всеми подряд хвост распускает? Когда он своё мужское обаяние включает, я чувствую себя дурой!

– А я – женщиной, – ответила Таисия Андреевна, вставая. – Приходи, Инна, нам тебя не хватает. Да, как тебя уго-

раздило к Царьковой мамаше в сиделки подрядиться?

– А что, работа не хуже других. И платит он наполовину больше, чем я в отделе культуры получала.

– Люди они уж больно поганые, и он, и Наташка.

– Он за меня заступился, а то бы эта полиция...

– Как-то Серёгина доброта меня удивляет. Наташка смолоду была пьянь и гуляка. Ребятишки у неё, считай, брошенные были. Вот и выросли... нет, сестра у него ничего, но этот! В девяностые мы с Ирой в Польшу за товаром мотались, чтобы выжить, Серёга, тогда ещё сопляк совсем, рэкетом на нас наживался, а Иван Иванович нас к порядку приводил. В результате под Серёгой весь город, Иваныч до зама начальника дослужился, а мы с Ирой по-прежнему на рынке крутимся: она хоть предприниматель, а я и вовсе плевки подметаю. Наташка-то как, вредничает?

– Сначала очень даже, но как-то по-детски всё... а сейчас нормально.

Пожилые дамы простились и пошли на выход из сквера. Инна Леонидовна глядела им вслед и завидовала белой завистью. Сколько им природой отпущено! Красавицы, до сих пор на них мужики оглядываются, артистичны, умны, с чувством юмора, поют прекрасно, Ираида ещё и на гитаре играет. Жизнь перед ними ковровой дорожки не расстирала, в девяностые даже челночили, чтобы выжить. Приходилось и голодать, и с бандитами воевать. Выжили, не озлобились. Даже в те времена находили отдушину в народном

театре. Инна до сих пор помнит спектакль, в котором впервые их увидела – «Без вины виноватые». Ираида играла главную роль, а Таисия – Коринкину. Но игравшая Арину Галчиху тётя Поля, перенервничав, решила снять стресс привычным способом. В результате уснула пьяная за кулисами и в последней своей сцене выйти не смогла. Режиссёр Тамара Афанасьевна чуть не рыдала. А Таисия сказала: «Плевать, прорвёмся!», оделась в Галчихины тряпки, предупредила, что текст знает нетвёрдо, и под суфлёра сыграла так, что Инна, смотревшая спектакль из кинобудки, потому что в зале яблоку было некуда упасть, рыдала. И с тех пор стала самой преданной служительницей этого театра. Не актрисой, нет. Но костюмершей, реквизиторшей, литературным консультантом. Музыку подбирала. Находила пьесы, сокращала их под возможности труппы, распечатывала роли, потом даже советовала кое-что. Играть не умела, но чувствовала характеры и часто предлагала, как построить мизансцену, сменить интонацию, жестикуляцию, сократить или увеличить паузу. К ней прислушивались. Поэтому, когда нынешней весной Тамара Афанасьевна сломала шейку бедра, и сын забрал её в Москву, некоторые актёры даже высказались за её назначение режиссёром. Это, конечно, было очень лестно, но абсолютно нереально. «Дело за малостью. Характера бы мне...», – грустно сказала Инна Леонидовна. И осиротевшие актёры согласились: «Мы ей слова сказать не дадим. Каждый командовать начнёт»

Были и ещё претенденты, в основном, из клубных работников. Режиссёру известного в области народного коллектива светило со временем звание, поэтому начались интриги. Почти уже назначили методиста Таню, но ввиду полного отсутствия у неё знаний и умений коллектив на первой же репетиции сказал своё решительное «Фу!». Таня сгоряча заявила, что никого не держит, и на следующую репетицию не явился никто. Актёры-то ведь не на окладе, заставить их никто не сможет. Как ни пытался примирить их симпатизирующий Тане начальник, пришлось вернуть её на прежнее место. И вот вдруг объявился варяг. Актёр областного драмтеатра Генрих, красавец средиземноморского типа внешности с очень знакомым почему-то лицом. Ираида Семёновна, увидев его впервые, шепнула: «О! Знойный мачо с Аппалачей!» Таисия Андреевна возразила: «Нет, это Рэмбо с маленькой проблемой». «Почему с проблемой?» «А ты что, не помнишь, у него была удачная съёмка в рекламе. Не то перхоти, не то импотенции». Похоже, новый режиссёр всё слышал. Но сдержался. Зато включил своё мужское обаяние на полную катушку. Обаял всех. Ну, кроме Инны Леонидовны. Она поняла, что этот красавец не нуждается в её помощи. И перестала ходить на репетиции.

Пережить можно. Но стало тоскливо.

Тут ещё новая начальница была назначена. Нормально познакомились, она из учителей, как мамы её и Лёшина, как сами они по образованию. Помнится, на следующий день вах-

тёрша ей позвонила:

– Инна Леонидовна, там вас какая-то шумная женщина разыскивает. Говорит, что троюродная сноха. Это кличка что ль такая?

– Мама моя её так называла. Она жена моего троюродного брата.

Обрадовалась. Редко они виделись в последние годы. А ведь единственная родня. Инна Леонидовна спустилась к вахте. Оказалось, и Лёша приехал. А Варя, отдав деревенские гостинцы, сказала:

– Ну, вы поболтайте здесь покуда, а я с зятем съезжу без Лёшки.

Они прошли через площадку и сели на склоне над озером.

– Совсем не видимся. Не нравится мне твой вид, унылая ты какая-то, – сказал брат, глядя сквозь очки. Несмотря на отдалённость родства, они были похожи: оба светлые, сестра русая, а брат почти блондин, круглолицые, курносые, небольшого росточка, коренастые, близорукие, с детства носили очки. Маленькими казались плотными из-за круглых румяных мордашек, хотя были достаточно худыми. С возрастом Алексей ещё усох и румянность утратил, а Инна наоборот, раздалась.

– Ты как, Инночка?

– Как сыр «Маасдам», – усмехнулась Инна Леонидовна. – Снаружи твёрдая, а внутри большие дырки.

– Какие дырки, Инна?

– От каждой потери в душе пустоты образуются. Дырка «профессия», дырка «семья», дырка «материнство», дырка «мама». Теперь ещё дырка «театр».

– Инна, ну ты что...

У входа в клуб столкнулись с новой начальницей. Лёша и Раиса Михайловна остановились, чтобы поболтать. Брат в Патриаршем завучем работает, а она до назначения начальником отдела культуры в городской гимназии тоже завучем была. Да, тогда она никакой неприязни к Инне не проявляла.

Чтобы собеседникам не мешать, Инна отошла к подъехавшей машине и заговорила с Варей. Та напомнила, что у них осенью хрустальная свадьба будет. И вдруг с неожиданной обидой сказала:

– Мама твоя, наверное, не хотела, чтобы мы так долго вместе прожили? Она ведь была против меня?

– Напрасно ты так, Варя. Хорошо она к тебе относилась, и с детьми выручала не раз. Только она хотела, чтобы Лёша потомство оставил, а сразу понятно было, что ты ему не родишь. Так ведь и вышло.

– Он моих детей вырастил как родных. Чем плохо?

– Не плохо, хорошо. Но считают ли они его родным? Вот спроси их, если с тобой что-нибудь случится, будут они доживать его в старости? А ведь мы в роду последние. У прадедушки нашего, священника Рясовской церкви Алексея Васильевича Ивановского было семеро детей. Из них живыми остались только три дочери, которые произвели на свет тро-

их детей, от которых осталось по одному ребёнку. Мы с Лёшей – без потомства. Игоря я десять лет не видела. Но знаю его как облупленного. Не станет он себя семейными заботами отягощать. Так что память о наших предках исчезнет вместе с нами, а родословное древо и записки, начертанные рукой прадедушки, будут изгрызены мышами.

– Так пусть разводится, – сердито сказала Варя. – Сорок лет, может ещё детей настругать.

– Дура ты, – обняла её Инна Леонидовна. – Он же тебя любит...

Если бы она знала, как аукнется им этот разговор!

Глава третья

А ведь когда стало известно, что начальником отдела культуры назначают Раису Михайловну, Инна была единственной, кто обрадовался. Когда-то её на работу брала Александра Ивановна, и с ней работалось хорошо и спокойно. Занималась Инна делопроизводством, да и всё. Ни в самодеятельность её не пытались вовлечь, ни чужие обязанности наваливать. Но года через три Александра Ивановна ушла преподавать во вторую школу, а на её место пришёл мужик. И пошло-поехало! Почему это на ставке заведующей автоклубом сидит делопроизводитель? Пусть занимается тем, чем положено! Инна к тому времени уже пришла в себя, поэтому без особых эмоций сдала по описи все дела инспектору и переселилась в методический кабинет. Никто её на гастроли по сёлам, конечно, не послал. Клубные работники радостно усадили за пишущую машинку, и Инна месяц стучала по клавиатуре, распечатывая их разработки, заодно по умолчанию правя правописание и стиль. А через месяц нагрянула проверка из архива, и инспектору дали по шапке. Присутствовавший при проверке начальник к тому времени уже понял, что в отделе культуры главное – бумажки и ничто кроме, поэтому вернул Инну на прежнее место.

– Вот не понимаю, для чего мы существуем, – сказала тогда Инна инспектрисе. – Учреждения культуры – это я по-

нимаю. В библиотеку хожу, театр наш просто обожаю, школа искусств – это замечательно. Музей – это наша гордость. Ну, концерты самодеятельности – это на любителей, но таких любителей в городе много, а в сёлах и того больше. А вот отдел культуры для чего? Через меня, вернее, через мою пишущую машинку все бумаги проходят: планы, отчёты текстовые и цифровые, доклады, справки. Это же, простите, безрадостная тупая липа.

Инспектриса хихикнула:

– Ты, Инночка, молодая, не помнишь советских времён. Эта липа вековая ещё до нас корни пустила. В годы перестройки как-то показывали театральный капустник, вроде как объясняли иностранцам наши слова и выражения. Знаешь, как растолковали «управление культуры»? «Непереводимая игра слов»! Игрёй слов мы занимаемся. Ты со своей зарплатой совестью не мучайся. Табели и больничные заполнила, в бухгалтерию сдала, приказы напечатала и по папкам раскидала и подшила, трудовые заполнены, от телефона не бегаешь, всегда на связи... достаточно! Что ты девчонкам их бумаги печатаешь? Не деньги, так хоть шоколадки бы совали. А они на тебя сели и ножки свесили!

– Да так как-то...

Инна Леонидовна ценила хорошее к ней отношение. Месяц, проведённый в методическом кабинете, плохим не считала. Да, болела спина от восьмичасового сидения за машинкой. Но зато никто не дёргал. Она по своей природе акку-

ратна, методична и усидчива, и внезапное переключение от одного вида деятельности к другому её раздражает и сбивает с ритма. В благодарность за тот спокойный месяц она не отказывалась помочь. Но спустя некоторое время оказалось, что обязанности машинистки стали именно обязанностями. И уже никто не просил, а требовали, и ещё ворчали за медлительность.

Тот начальник не продержался и двух лет. И пошли сменяться на этом посту один за другим люди абсолютно случайные: то не поладивший с редактором журналист, то проштрафившийся помпрокурора, то задвинутому с должности заместителя городского главы дали возможность досидеть до пенсии в этом кресле. Все как на подбор безмерно пьющие. Инне приходилось самоотверженно прикрывать это пьянство, запирая очередного босса в кабинете и отвечая по телефону, что Такойто Такойтович в области, на концерте, в поликлинике, уехал с проверкой по сёлам... словом, отсутствует по уважительной причине. И держала в столе мятную жвачку и кофейные зёрна, которые совала ему на ходу, когда какая-то встреча предстояла.

Так что приход женщины на этот пост ею приветствовался. И первое время всё было хорошо. Когда началась эта немотивированная ненависть? В полной мере Инна Леонидовна ощутила её в тот день, когда в отделе культуры появился Генрих с просьбой посмотреть свежим взглядом их новый спектакль... или нет, она тогда сразу не пошла с ним,

сказав, что придёт после пяти. Значит, уже чувствовала себя под колпаком у Мюллера. Да, точно, Раиса Михайловна радостно выглянула тогда из кабинета, услышав его мягкий баритон, и изменилась в лице, когда увидела, куда направлен поток его обаяния. Неужели влюблена? Да быть того не может, он ей в сынки годится! Да и Инна на соперницу никак не тянет.

Тогда, значит, наши примы настояли, чтобы он Инну пригласил. Она тихо зашла в зрительный зал, кинула пальто и сумку и уселась в центре одиннадцатого ряда в широком проходе, там, где у пульта Рома колдовал. Сидевшие в первом ряду Генрих и Раиса Михайловна оглянулись на неё. Что там дальше? Да, Рома кивнул ей и перекинул свёрнутый в трубку текст пьесы. Потом Инна читала его по диагонали, одновременно не выпуская из виду действие на сцене. Спектакль был уже почти готовый, репетировали в костюмах и с декорациями. Потом Генрих объявил перерыв, и те, кто был занят на сцене, разошлись. Часть ушли в кулисы, кто-то спустился в зал. Генрих через ряды спросил: «Как вам?» Инна Леонидовна нерешительно начала: «Я, кажется, понимаю...», но Раиса Михайловна своим хорошо поставленным учительским голосом стала вещать какие-то общие фразы. Инна Леонидовна поняла, что режиссёру не очень-то нужно было её мнение, это коллектив ему её навязал, но комплименты начальницы тоже радости не доставили, а только отнимали время. Тут Инну Леонидовну подозвала Таисия Ан-

дреевна и попросила отрегулировать длину её шлейфа, который при ходьбе всё время за что-нибудь цеплялся. Инна предложила ей повторить маршрут по сцене без слов, а потом засмеялась: «Даже если мы обкорнаем его до размера короткой фаты, вы всё равно будете цепляться!» Актриса возразила, что не может же она ходить по сцене плавно, у её героини темперамент такой, она должна на всех бросаться. «Значит, надо его придерживать. Причём в каждом эпизоде по-разному, чтобы шлейф гляделся не помехой, а подчёркивал отношение героини к партнёру: с королём – подхватывать с двух сторон, как бы собираясь присесть в реверансе, на оклик королевы – одним движением агрессивно наматывать его на руку как плащ тореадора, поворачиваясь к принцу – прихватывать его одной рукой и кокетливо прикрывать наполовину лицо». Подтянувшиеся к ним ветераны сцены со смехом принялись предлагать свои варианты, а Инна отступила к кулисам и стала помогать Коле ушить камзол. Не выдержал Генрих, выкрикнул: «Не так, надо подчеркнуть её нелепость, ну, попробуйте косолапить!», вспорхнул на сцену и стал двигаться с Таисией Андреевной, поочерёдно изображая каждое действующее лицо. Профессионал он, конечно, был настоящий, не чета местным, поэтому их дрейф по сцене превратился в танец. Не выдержав, Инна Леонидовна пискнула: «Боже, это просто балет!» «А давайте попробуем сыграть второе действие как балет!», – загорелся режиссёр. Не получалось, все устали, начало прорываться раздра-

жение. Ираида Семёновна подмигнула ей, и Инна Леонидовна предложила: «А давайте у вас одна Таисия Андреевна будет балериной! В диалоге с ней все переходят на танец, а в остальное время ходят нормально».

Режиссёр оказался достаточно великодушным, чтобы оценить чужую идею. Он поблагодарил Инну Леонидовну за интересную находку и спросил: «Вы начали говорить...» «Да, – подхватила с воодушевлением Инна Леонидовна. – Мне кажется, вам нужно то, что кинематографисты называют крючком – связать эпизоды. Вы так сократили пьесу, что антракты не нужны, но требуется время на перестановку декораций. Выхода тут два – или выносить последний эпизод на авансцену, или интермедии. Но первое, пожалуй, не получится, у вас все сцены массовые...» «Ну, искать вставные номера или придумывать самим перед премьерой... нет!» «У вас ещё одна проблема – занавес застревает». «Ну, это решаемо...» Инна Леонидовна засмеялась: «Это вы нашего директора Феденьку не знаете. У него даже труп таракана в коридоре является обстоятельством непреодолимой силы, и на его вынос требуется время для планирования, утверждённая смета и штат. Так что на своевременную починку не рассчитывайте. Я бы предложила, чтобы двое из занятых в действии тянули занавес и при этом пели. Есть много диалоговых песен, которые прекрасно сюда впишутся...» У них в труппе все любили петь, в репертуаре был даже один мюзикл, поэтому оживились и стали предлагать: «Не лукавьте»,

«Три подарка», «Ах, сударыня», «Два призрака». В общем, последний раз такой кайф Инна Леонидовна испытала почти год назад, когда придумала для Таисии Андреевны в роли итальянской синьоры швабру в руках, к которой она обращалась, когда говорила о зяте.

По закону баланса радостей и неприятностей на следующий день по дороге на работу у сапога отвалилась подошва, а потом Раиса Михайловна вызвала её и предложила написать заявление по собственному.

Следовало идти в бюро по трудоустройству, но от произошедшего Инна Леонидовна впала в ступор. Длительное время она плохо спала ночами, а днём как сонная муха бродила по дому в ночной сорочке, и только к обеду вспоминала, что до сих пор не умылась и не почистила зубы. За это время она только один раз вышла из дома, чтобы купить хлеб и молоко. Дважды стучали в окно соседи: тётка из углового дома и Валет из соседнего, младший брат подруги Ирки, на которой шестнадцать лет назад женился Андрей, её бывший. Соседи на их улице очень недружные, вечно между собой ругаются и никак не договорятся. Приходившая тётка скорее всего или в какую-нибудь коалицию её собиралась призвать, или на какие-нибудь общие нужды собирала, а денег у Инны Леонидовны было мало. Валет тоже, небось, за деньгами – на бутылку занимать приходил. Вот и не открыла.

А потом в дверь позвонила Варя. Инна Леонидовна удивилась, накинула халат и открыла:

– Ты одна? Что-нибудь случилось?

– Да нет... а Лёша к тебе не заходил?

– А что, должен был? Мы уж месяца два не виделись.

Варя хлопнулась на стул у входа, не раздеваясь и не раздеваясь:

– Он меня бро-о-сил!

Странно, но в этот момент Инна Леонидовна ещё ничего не почувствовала. Она с досадой сказала:

– Да будет тебе! Он что, где-нибудь на улице от тебя сбежал?

Всхлипывая, Варя рассказала, что в прошлый понедельник они поругались, а во вторник утром он уехал на трёхдневную конференцию в Новогорск. Должен был вернуться в четверг вечером или в пятницу с утра, как по расписанию получилось бы, но не приехал. В понедельник из школы позвонили, спрашивают, где Алексей Иванович, у него же уроки. А он не приехал до сих пор! Наверное, нашёл молодую среди местных... вот, будут у тебя племянники!

– Варька, ты идиотка, – взвыла Инна Леонидовна. – Не мог он бросить и тебя, и работу! С ним что-то случилось!

Варя продолжала голосить, что он бросил её, старую и необразованную, и нашёл себе учительницу, их ведь полно одиноких. А Инна уже не слушала её, суматошно собираясь. Господи, что на ноги обувь, сапоги ремонту не подлежат, купить не на что. Сунулась в кладовку, наткнулась на мамнины боты, которые за десять лет так и не поднялась рука выбро-

силь. У мамы нога была маленькая, но, вроде, она их на шерстяной носок обувала. Налезли. Вот как легко в них! А на вид плевать! Денег мало совсем, карточку проверяла, расчет ещё не перечислили. Всё, пора бежать! В телефон глянула, и на нём почти ничего, надо пополнить:

– Звони в РОНО, узнай адрес, где ночевали, где заседали.

– Не буду! У меня тоже гордость есть!

– Ты что, не понимаешь, что с ним несчастье случилось!

Ладно, сама позвоню, некогда тебя уговаривать.

Добиралась больше четырёх часов. Учреждение, проводившее межрегиональную конференцию, называлось пышно – «Институт развития образования», но по сути это были просто курсы усовершенствования учителей. И никого из начальства на месте. С трудом добилась от секретарши, что все в прошлый четверг отметили командировки... и отметили командировку тоже, конечно. Но всё в пределах приличия, даже в кафе не ходили, фуршет с бутербродами в фойе. Закончили после шести, так что, кто из других областей, разъезжать собирались на следующий день. Прежде чем идти в гостиницу, зашла в полицию. Там её даже принимать не хотели, обсмеяли, но она хоть уговорила, чтобы телефон свой дали.

А в гостинице оказалось, что Лёша номер не сдал. С трудом добилась, чтобы ей показали издали его вещи, которые вынесли в камеру хранения. Она потребовала, чтобы открыли сумку и показали, что там. И там оказался паспорт с

вложенным в него командировочным удостоверением. Инна Леонидовна, обычно тушующаяся перед хамством, на этот раз сама повела себя как рыночная хабалка. Она завопила, что это они постояльца убили! Она добилась, чтобы дежурный администратор сам позвонил по телефону в полицию.

Тот молодой полицейский, который полчаса отфутболивал её, приехал очень быстро. И с досады устроил администратору прочистку мозгов. Вещи принял сам, выдав расписку. Горничная, открывавшая камеру хранения, помявшись, достала с полки ещё большого бурого медведя в упаковке. Без слов было ясно, что хотела она его зажать, да побоялась. Инна понесла медведя в машину, недоумевая: Танечкиному, что ли, сыночку он его купил? Зачем двухмесячному ребёнку такой подарок?

Вернувшись в отдел, полицейский стал звонить по каким-то номерам, тоскливо поглядывая в темнеющее окно. Ясно, что заканчивался рабочий день, а от Инны Леонидовны теперь не отвяжешься:

- Есть в двух моргах неопознанные трупы. Поедете?
- Конечно...

Прошла через этот ужас. Два мужчины среднего возраста, но другой комплекции. Один слишком длинный, другой слишком плотный. Во втором морге отшатнулась, возмущившись:

- Это старик! Лёше сорок лет!
- Вы приглядитесь повнимательней, – стал уговаривать её

сопровождающий. – Человек в смерти меняется.

– Да? И у бритого за четыре дня борода вырастает?

На выходе полицейский ответил на звонок и сказал:

– Давайте во вторую травму подъедем. Там есть один неопознанный. На вид бомж, а там... кто его знает...

В прокуренном салоне полицейской машины было душно, но Инна Леонидовна вся заледенела. А когда вышла на воздух, её и вовсе затрясло. Однако повели её не в подвал и не в отдельно стоящее здание, где обычно морг располагается, а в отделение реанимации. Через стекло предложили взглянуть на пациента. Под капельницей и в прозрачной маске со шлангом на чёрном лице... нет, не он. Но потом рванула дверь и влетела в палату: «Лёшенька!» Её почти силком вывели: «Сюда нельзя!» Потребовали особых примет. Рыдая, глядела на неподвижное тело брата и вспоминала: шрамик над щиколоткой... на подбородке шрам... да, родинка над лопаткой... кажется, левой. Группа крови? Знаю точно, вторая. Он сдавал перед маминой операцией. Обрадованный полицейский вытащил из папки Лёшины документы и совал в руки доктору: «Вот паспорт, что ещё надо?» Доктор его отпихивал: «Не ко мне, это в приёмный покой».

Инна Леонидовна теребила полицейского, чтобы договорился о её пребывании в больнице. Но тут доктора позвали на пост, и он сказал, вернувшись:

– Придётся вашего брата в отделение перевести. Везут людей с большой аварии.

На её расспросы о прогнозах для брата отмахнулся и умчался. Пришли двое из отделения: медсестра и санитарка. Санитарка пожилая, представилась: «Зови меня тётёй Шу-рой». Инна Леонидовна предложила им помочь перетащить его на носилки. И удивительное дело: то волоком из её палаты вытаскивали, а тут никто не пришёл, чтобы сдать больно-го. Медсестра сама сняла с него маску, махнув Инне Леони-довне: «Это ничего, он сам дышит». Капельницу отключила: «Тут почти вся, как на кровать переложим, я ему новую по-ставлю, дежурный врач уже сделал назначение». «Не глядя?» Она в ответ только хмыкнула.

– Что же он грязный такой? – спросила Инна Леонидовна, перекладывая Лёшу на носилки.

– Кто его мыть бы стал, – сказала старуха. – Они думали, он бомж.

В отделении не стали сразу завозить носилки в палату, а оставили в коридоре у стены. Медсестра только заглянула в дверь, сказала:

– А, ещё не увезли.

И ушла. Понятно стало, почему вечером вдруг койка освободилась. Поглядев на позеленевшую Инну Леонидов-ну, санитарка сказала:

– А давай, милая, его в ванную завезём.

– А можно?

– На носилках-то? Милое дело! Это уж на кровати неудоб-но будет.

Добрая старуха не только помогла затащить носилки, но и помыть Лёшу, приговаривая:

– Ты смотри, как избили бедного малого, живого места нет. А всё равно видно, что приличный человек. Грязи-то он в котловане понабрался. Видишь, пыль цементная? А эти вертихвостки протёрли только там, где шить надо было. Ты вот приодень его покуда, пижама вот, рубашка, и ещё я тебе от одного нового русского памперсы сволокла... ничего, от него не убудет. Ты не волнуйся, я и матрац ему сейчас новый постелю.

Глава четвёртая.

Утром удалось до обхода поговорить с палатным врачом. Он ничего не обещал, сказал, что все травмы, что по его части: ушибы, перелом ноги и полостная угрозы для жизни не представляют. Но вот голова – тут неопределённость. Глаза Лёша иногда открывал, но ни на что не реагировал. Нейрохирург ничего не обещал: очнется ли, когда очнётся и каким очнётся – всё под вопросом. Потом долго разговаривала со следователем, ведущим дело. В отличие от вчерашнего полицейского он был внимательным и неторопливым. Расспрашивал подробно, рассказывал откровенно. Брата обнаружили в котловане давно заброшенной стройки. Скидывали его на арматуру, то есть на верную смерть. Поэтому предполагалось, что это сделала банда подростков, которая в последние полгода не раз избивала бомжей.

– Как же он выжил... на арматуре? – дрожащим голосом спросила Инна Леонидовна.

– Помните, как у Гоголя? Что в России стоит забор поставить, как к нему всякой дряни навалют? Там всё заброшено с весны. Огорожено было хорошо, ведь яма очень опасная. Но со временем... сами понимаете. Ну, и из ближайших домов откуда-то мебель выкинули. Судя по всему, старушка какая-то померла, и освобождали квартиру для ремонта. Чем мебель вывозить, её через пролом в заборе на стройку

протащили и в котлован пошвыряли. А когда Алексея Ивановича столкнули, он рухнул на бабулин диван. У него только нога на штырь попала, причём опять удачно – между большеберцовой и малоберцовой костями. Скинули его поздним вечером. К утру он бы или от травм помер, или замёрз. Но опять повезло – деда-собачника туда поздней ночью занесло. Вот и спасли вашего братца.

– Что это за молодёжь такая, – дрожащим голосом сказала она.

– Да вот теперь я на эту шайку бы не грешил, хоть и паршивцы они. У них все жертвы – бомжи, потому что они провозгласили себя санитарями общества. Одет Алексей Иванович был прилично, когда из гостиницы уходил. Никак на бомжа не тянул, я уже служащих гостиницы опросил. Кстати, куда он мог пойти? Кто у него из знакомых в нашем городе?

– Никогда он здесь не был, и знакомства никакого быть не могло.

– Всё ли вы знаете? Может, в отпуске или по работе...

– Лёша безвыездно пятнадцать лет живёт в селе. У него работа, хозяйство. Они детей поднимали. Дочь вот только родила, сын на первом курсе. Всё для них!

– Понимаете, его избивали в другом месте. Сюда привезли уже без сознания и раздетого. Это ведь не просто так, машину к котловану не подгонишь. То есть потом ещё протащили через пролом в заборе и несли до котлована. И избит он как-то... избирательно. Похоже, что всё сделано, чтобы

его не опознали: разбитое лицо, отсутствие одежды. Значит, убивали конкретного человека. Кто мог желать ему зла?

– Господи, да максимум, кто что-то имел против него – это деревенские двоечники. И понесло бы их в другую область вслед за учителем?

– Да, надежда только на то, что он очнётся и сам всё расскажет.

Три ночи и два дня Инна Леонидовна безвылазно дежурила в этой шестиместной палате. Здесь все были лежачие, так что дел хватало: покормить, помочь умыться, судно подать и вынести. Спала сидя на полу и привалившись к Лёшиной подушке. Только раз выскочила за территорию, чтобы купить кое-какие мелочи: выезжала ведь не ожидая, что задержится так надолго. Даже зарядку телефонную не захватила. В магазине скривились, мол, такую древность не держим, спрашивайте у вокзальных цыган. Расчётные так на карту и не поступили, наличные кончались. Приходилось экономить. Когда дежурила тётя Шура, она приносила еду, что Лёше была положена. В остальные дни питалась в больничном буфете. Брала винегрет и булочку с чаем, на большее бы денег не хватило.

На третий день Сергей Сергеевич с соседней койки сказал ей:

– Инна Леонидовна, сегодня палата двухместная освобождается. Я за неё заплатил, так что переселяюсь. Но пока один не справляюсь. Давайте вы за мной ходить будете неделю? Я

вам заплачу. И Алексею Ивановичу там лучше будет.

Когда радостная Инна Леонидовна вернулась из аптеки с упаковками разовых пелёнок, салфеток и купленной наконец-то зарядкой для телефона, сосед удивлённо спросил:

– У вас что, денег совсем не осталось? Но ведь мужики из палаты предлагали вам заплатить?

– Как-то стыдно деньги брать с тех, кому хуже, чем тебе. Вы-то, извините, лёгкий по сравнению с остальными.

– Это да, – озадаченно согласился сосед и задумался.

Травмы у него по сравнению с прочими однопалатниками и в самом деле были незначительными. На него по пути к собственному джипу на парковке наехал чужой джип. Стопа попала под колесо, а при падении он об бордюр ещё и руку сломал. Руку сразу загипсовали, а нога до заживления наружных ран пребывала в лангете. Легче травмы, да. Но почему с тяжело травмированных деньги брать стыдно? С ними же возиться тяжелее!

– Ловко вы по уходу управляетесь, – продолжил он разговор, наблюдая, как она сворачивает салфетки. – Приходилось раньше?

– Да, у нас бабушка Вера долго была лежачей. И мама после инсульта два года лежала.

– А потом восстановилась?

– Нет, потом она умерла.

– Извините.

– Нет, ничего. Это было десять лет назад.

Он никогда не уважал женщин. Они или такие пьянчужки и хабалки, как его мамаша, или продажные твари, как его жена и прочие его дамы. Он презирал бедных. Каждому человеку, считал Сергей Сергеевич, цена определена. И только он сам себе цену поднять может. Вот он из какой грязи вышел, но пробился же! А те, кто за копейки в грязи копаются и не пытаются пробиться повыше, лучшей доли не заслуживают. А эта женщина, несмотря на то, что утку подавала, грязь с тел смывала и дерьмо за ними выносила, так ещё денег за это не брала! И неказиста, плохо одета, и оскорбления молча сносила. Но презрения не заслуживала точно.

– Инна Леонидовна, я вас уважаю, – вырвалось у него.

– Спасибо, – серьёзно ответила она.

И тут Лёша прошептал: «Инна!»

Она сначала бросилась к нему, заплакала, потом позвала медсестру, потом привела врача. Вызвали нейрохирурга, тот светил в глаза больному фонариком, тыкал иглой, задавал вопросы. Пациент по приоткрывал глаза, то отключался. И молчал.

– Может, вам показалось?

– Ну как же, он же меня позвал! Ну, Сергей Сергеевич, скажите им!

– Точно, он сказал: «Инна».

– Лёшенька, моргни, – жалобно попросила сестра. Он моргнул.

Врач её отодвинул:

– А теперь два раза. Есть реакция.

– Вот видите!

– Алексей Иванович, вы помните, что с вами случилось?

Да – моргнуть один раз, нет – два.

Длительная пауза. Потом он дважды моргнул.

– О-хо-хо. Может, потом вспомнит. Теперь попытайтесь проверить его память о давнем.

– Лёша, ты помнишь песенку о папе?

Брат засмеялся.

– Вот видите? Он и понимает, и помнит. Это давняя смешная история.

Когда медики ушли, Сергей Сергеевич спросил:

– Что за песня?

– Лёша, когда в университет поступил, а я уже на третьем курсе была, первое время часто у нас в комнате вечера проводил. У него соседи по общежитию были разгульные, а у нас, даже если никто не ушёл, было тихо. Тогда к Наде, соседке, сестра с малышом приехала, потому что их мать в областной больнице лежала. Они по очереди у матери сидели, а мы Андрюшку нянчили. Я его вечером укладываю, а он требует: «Песенку!» И что-то я вспомнила, как наш сосед сыну колыбельную пел. Ну, и спела:

Не пришёл твой папа спать,

Он не любит твою мать,

Он не любит мать твою,

Баю-баюшки-баю.

Лёша заржал. Потом как будущий педагог сказал: «Раз-
ве можно такое ребёнку петь? Вдруг запомнит?» Я отмахну-
лась, мол, мы с ним третий день «Зайку бросила хозяйка»
разучиваем, так он до сих пор не запомнил. Андрюшка по-
нял, что тут какой-то подвох и просит: «Спой ещё про папу!»
А я: нет уж, а то и вправду запомнишь. Назавтра мать его
укладывала вечером, зовёт: «Андрюша, спать!» А он схва-
тил медведя и ну его укачивать: «Папа, папа». Гляжу – Лёш-
ка из-под учебника Фихтенгольца выглядывает в ожидании
сенсации. И тут ребёнок самое главное выдал, да так чётко,
по слогам: «Тва-ю-мать!»

И засмеялись все трое. Тут затренькал зарядившийся Ин-
нин телефон.

– Варя? Нашла! Он неделю был в отключке, а ты что по-
думала? Полчаса как в сознание пришёл, но говорить ещё
не может. Лёш, ты помнишь, что вы с Варей поссорились?
Моргает, не помнит он! Конечно, приедешь, ему же надеть
абсолютно нечего! Давай, бери листок, записывай...

Глава пятая

Когда Инну Леонидовну полиция забирала, она позвонила в дверь на первом этаже, где жила единственная знакомая – санитарка из терапии Анна Ивановна, пенсионного уже возраста женщина, и попросила её присмотреть за Натальей Петровной. Наверное, она сразу Сергею Сергеевичу сообщила, потому что он буквально минут через пятнадцать уже в полиции был. Инне Леонидовне, конечно, не хотелось, чтобы работодатель узнал об этой дикой истории, но, с другой стороны, если бы он не вмешался, как бы не пришлось ей в тюрьму загреметь.

У подъезда стоял хозяйский джип. Значит, он здесь? Ох, а она до сих пор не на месте! Тихо открыла дверь, разделась и прошла на кухню. Помыла руки, собралась с духом и пошла к больной.

Наталья Петровна встретила её воем.

– Господи, что случилось? – испугалась Инна Леонидовна, наклоняясь над старухой, которая схватила её за руку. – Вы что, мои обстоятельства при ней обсуждали?

– А она что, соображает? – вырвалось у Сергея Сергеевича.

– У-у, – зло махнула на него рукой мать.

– Наталья Петровна, у меня всё в порядке, – медленно, чётко проговорила Инна Леонидовна. – Я вам принесла чер-

нослив в шоколаде. Я даже дам вам одну конфетку до обеда, но только фантик вы будете разворачивать сами.

Она подняла изголовье ортопедической кровати, прикрыла старуху пелёнкой и дала ей в руки конфету. Та чмокнула губами и поднесла конфету ко рту.

– Нет, фантик снять. Мы ведь умеем?

Пока она обтирала салфеткой запачканную конфетой Наталью Петровну и кормила её супом, Царёв спросил:

– Это очень странная история. Что вы об этом думаете? Почему Мильчикова возвела на вас напраслину?

– Я не понимаю... но есть разница, как это вижу я и как это выглядит со стороны...

Продолжая аккуратно кормить старуху, то и дело вытирая её салфеткой, она рассказала, что думают по этому поводу старые актрисы.

– Ну, про любовь я что-то не верю. Сколько бабе, полтос? А красавчику чуть за тридцать? Сынок, можно сказать. И что начальника бесит, когда подчинённый в авторитете, это я встречал. Ну, уволила. Но наговаривать, что вы убийца при том, что есть настоящий убийца... он же ещё раз придёт и убьёт уже окончательно! Инна Леонидовна, было ещё что-то. Вы подумайте! Наверняка вы перебирали всю эту историю. Сплетни какие-нибудь доходили?

– Я даже не могу вспомнить, с какого времени началось её раздражение на меня. Не сразу заметила. Могли на меня наговорить что-то? У нас это в обычае. Но что можно про ме-

ня сказать? Я маленький человек, про меня и придумать-то нечего! А Ираида Семёновна, очень проницательная женщина, говорит, что на репетиции наблюдала на её лице сильную ненависть.

– Зря вы про любовь не верите, – вмешалась Анна Ивановна. – В климаксе бабы бешеные. Наташ, Тамарку помнишь?

Старуха захихикала и поднесла щепоть ко лбу. Анна Ивановна подошла к ней и сказала:

– Перекреститься хочешь? Не надо левой, вот, бери слабую руку другой рукой, вот так, теперь сюда, и вот. Видите, помнит! Это была история лет двадцать назад, когда отец Лаврентий у нас появился. Сейчас он разъелся, облысел, а тогда красавец был. А Тамарка – такая, как Райка нынче, тоже где-то к пятидесяти. И стала она на службу ходить, чего раньше не было. И всё записки ему любовные писала. Греха-то, господи! С поминаньем подавала. Так что у старух любовь зла.

– Только я-то на соперницу не тяну. И Раиса Михайловна на любовницу не тянет. Тоже мне, Екатерина Великая, юных красавцев прельщать!

– Что, хорош мужик?

– Да как сказать? Видный, талантливый. Но... как бы это объяснить... привык он, что ли, от женщин добиваться всего обаянием. Если нужно что-то, смотрит на тебя так, словно ты ослепительная красотка. Но, если ты не юная и не красотка, чувствуешь, что тебя душой считают. Как-то это уни-

зительно.

– Инночка, да ведь это из-за того, что ты не дура, – засмеялась Анна Ивановна. – Дура-то поверит, что она ему нравится. Я таких мужиков в жизни своей встречала. Они такие от бабского воспитания. В семье мать, бабка, тётка какая-нибудь бездетная. Весь такой зацелованный. С малых лет понимает, что стоит женщину обнять и поцеловать, любимой назвать – и всё ему дадут, чего ни попросит. Ну, а с возрастом понимает, чем ещё можно бабу закабалить. И всюю этим пользуется.

– Да, у меня брат такой...

– Алексей Иванович? – удивился Царёв.

– Нет, что вы! Лёшка нормальный, хоть и безотцовщина. Наоборот, и бабушки наши, и мамы всегда внушали ему, что он у нас мужчина, и за всех должен заступаться. Это другой брат, Игорь.

– Вы никогда о нём не говорили. Он родной брат?

– Такой же как Лёшка, троюродный.

– Как вы родню цените! Я троюродных своих и не знаю.

– У нас особая связь. Прадедушку нашего, священника, в тридцать втором году забрали. Но накануне сосед пришёл и предупредил. Прадедушка велел жене с детьми уходить к Вере. У них старшая дочь баба Вера тогда уже курсы учительские закончила, и её послали в Патриаршее в школе преподавать. А второй по возрасту Иннокентий, шестнадцатилетний, он причётником в церкви был, он решил с отцом

остаться. Сосед им помог вещи на лодку погрузить и до утра грёб против течения с Игорем, подростком.

– Почему вверх по течению?

– Ниже – пороги. Потом сосед домой по берегу вернулся, а они дальше пошли по берегу, а лодку с малышами на верёвке тянули. В общем, эти двести километров шли они месяц. В дороге чем-то заразились. Старшие дети умерли, Игорь и Анечка. Мать с двумя маленькими девочками добралась до Конь-Васильевки, лодку одному местному отдали, а он за это их на телеге до Патриаршего довёз. Искать их уже перестали, но бабы Веры муж выгнал её, когда тёща на пороге их дома появилась. В школе им жить не разрешили, но позволили поселиться рядом, в конюшнях. Прабабушка через несколько дней умерла, а баба Вера осталась с двумя маленькими сестричками, и они так всю жизнь там прожили.

– В конюшне?

– Ну да. Наверное, сначала там было не очень. Но потом они там обжились, после войны, когда младшие сёстры замуж повыходили, мужики их хорошо всё отделали, расширили. Мы с Лёшкой каждое лето там проводили. Не было для нас места родней. В общем, так: Игорь – бабы Веры внук, её дочь тётя Аня в Уремовске жила, она была главбухом облпотребсоюза, они очень хорошо жили. Я самой младшей бабушки внука, бабы Любы, моя мама Маша, в честь прабабушки названа. Отец ушёл, когда я маленькой была, осталась от него только ненавистная фамилия...

– Почему ненавистная?

– Хрюкина. Представляете, как в детстве дразнили? А имя в память старшего брата бабушек Иннокентия.

– Что, Инна и Иннокентий – парные имена? Не знал, – удивился Царёв.

– Вообще-то Инна – мужское имя по святым. Ну, а названный в память прадеда Лёша – внук бабы Нади, а мать его – тётя Соня, её назвали по имени умершей в младенчестве сестры наших бабушек. Вот такое наше семейство. Мы никогда не задумывались, кто кому бабушка родная. Все родными были. Так вот, об Игоре. Он на два года меня старше, а Лёша на два года моложе. Мы с Лёшкой против него всегда объединялись, потому что он нас звал свысока «малыши». У нас матери учительницы, получали не очень, одна разводка, другая мать-одиночка. А Игоря и на море возили, и одевали хорошо, и машина у них была. А потом родители на этой самой машине разбились. Баба Вера его забрала в Патриаршее. Все его жалели – и бабушки, и мамы наши. А мы, дурачки, завидовали, что он в Патриаршем живёт. Он на всеобщей жалости очень хорошо научился женщинами манипулировать. Когда Игорь школу закончил и поступил в институт, бабу Веру парализовало. Мы её забрали к себе, потому что у нас хоть и маленький, но домик с двумя комнатами, а у тётки Сони с Лёшкой однокомнатная квартира была. Но ходили за ней все... кроме Игоря. Как-то он умудрялся приезжать только на пару часов, мол, ночевать тесно.

– Пенсию, небось, подчистую забирал, – не вопросительно, а уверенно сказала Анна Ивановна.

– Это уж как водится. Но через несколько лет продал наши конюшни.

– Как так?

– К тому времени бабушки Надя и Люба умерли. Игорь приватизировал и квартиру, и участок на себя. И продал приезжим очень удачно, так что квартиру себе в областном центре купил. Новые хозяева там несколько лет овец разводили, а сейчас всё заброшено. Спасибо, хоть предупредил за день, что овцеводы вселяются, тётя Соня наняла машину и вывезла всё, что он не забрал.

– Такой вряд ли что-то путное оставит, – хмыкнул Царёв.

– Он оставил то, что для нас было самым ценным: письма, фотографии, старинные документы. А серьёзных материальных ценностей у бабушек не было. Баба Вера прожила с нами почти десять лет, дотянув едва не до девяноста. Он после продажи родового гнезда бывал наездами, один-два раза в год, и всегда на пару часов. Наши мамы его не осуждали, мол, надо ребёнку где-то жить. А мы с Лёшкой никогда в нём не обольщались. Я через два года после него тоже поступила в пединститут, и только тогда узнала, что он почти сразу его бросил. Бабе Вере не сказала, чтобы не расстраивать. Когда Лёшка через два года после меня поступил, он Игоря разыскал. Но тот его даже за порог не пустил, у меня, мол, гости. Больше мы встреч не искали. Только телеграмму один раз

послали, когда баба Вера умерла. Это было через неделю после моей свадьбы. Она подарила мне медальон своей матери, единственную ценную вещь, сохранившуюся от Ивановских. На похоронах он не был, говорил, что телеграмму не получил.

– А медальончик он потом свистнул?

Инна Леонидовна вздрогнула. Отвечать не хотелось, но уж коль пошёл такой разговор... она вздохнула:

– Всё-то вы понимаете...

– Инна Леонидовна, было ведь ещё что-то плохое? Не могли вы только за продажу родины на него обидеться!

– Ну да, была у него тут в Утятине пара историй с девчонками. Да не ухмыляйтесь, если бы речь шла только о девичьей чести, я бы не так реагировала. Не девятнадцатый век!

– Обирал?

Инна Леонидовна только вздохнула. И это было. Но ещё было много того, что она не простила. Не могла же она рассказать о том, как Игорь появился у них через три года после смерти Сашеньки, когда маму выписали из больницы после инсульта. Пришёл напуганный, просил спрятать на несколько дней. Она впустила. В результате прожил больше месяца, изрядно потрепав их скудный бюджет. А деньги у Игоря были, Инна подглядела как-то. Но постеснялась сказать, что-бы хоть на питание сколько-то давал. Исчез внезапно, прихватив медальон. Инна бы и не заметила, она никогда его не носила. А вот мама, не смотри, что больна, сразу догада-

лась. Когда племянник не простившись вышел из дома и не вернулся, она к вечеру сказала: «Шкатулочку проверь». Последний раз он появился ещё через два года, уже после её смерти. Инна тогда приходила с работы и сидела неподвижно перед выключенным телевизором, тупо всматриваясь в своё мутное отражение в экране. Открыв дверь, также тупо глядела на него, стоя на пороге. «Можно зайти?» – спросил он. «Зачем? У нас, ей-богу, больше взять нечего». Он молчал. Тогда она отступила и сказала: «Нет, если не веришь, можешь зайти и проверить. Только потом, пожалуйста, уходи. Навсегда». Он повернулся и ушёл. Плевать на медальон, жалко утраченной маминой веры в ценность кровных уз.

– Вы такой тип мужчин по брату знаете. Вот представьте, что ваш режиссёр – копия брата. Мог бы он с Мильчиковой замутить?

– Только за большие деньги. Но объективно Генрих не обманом своего достиг, а трудом, он не только умеет манипулировать женщинами, он специалист, талантливый актёр, прекрасный собеседник и внешне намного привлекательнее, да и моложе. У него другая стоимость. Может быть, если бы она была министром культуры и речь шла о собственном театре...

– Значит, любовь откинем. А враги у вас есть? Вот чтоб так ненавидели, как эта Мильчикова?

– Нет. Сергей Сергеевич, я не слишком заметна, чтобы вызывать сильные эмоции.

– Но есть люди, которые эти эмоции вызывают у вас. Ну, брата вы любите...

– Вот когда вы это сказали, мне даже стыдно стало. Получается, что самые сильные эмоции связаны с братьями. Лёша – самая сильная моя привязанность, а Игорь вызвал самое сильное возмущение.

– А он к вам так же относится, как вы к нему? Он вас любит? Ненавидит?

Инна Леонидовна даже засмеялась:

– Игорь? Да плевал он на меня!

Царёв слегка смутился, он и сам не считал нужным враждовать со всякой мелочью. Только никогда не задумывался над тем, что мелочь это понимает:

– Тогда отставим врагов. Подумайте, что ещё было в последнее время?

– Что было? Несчастье с Лёшей было. Сравнивала. Лёшу убивали – и Мильчикову убивали. Лёша завуч – и Мильчикова завучем раньше была. Вуз у нас общий. Лёша ничего не помнит, а Мильчикова или бредит, или врёт. И больше ничего общего. Никаких больше идей. При случае с Ромой поговорю. Может, он знает что-то, или хоть предположение какое выскажет.

Глава шестая

До премьеры с Ромой поговорить не удалось. А на премьере было некогда. Инна Леонидовна и попала-то на неё в последний момент, потому что у неё был день дежурства, а сменщица её купила билет на спектакль, а Анна Ивановна тоже, потому что желала взглянуть на «Райкину симпатию». Только утром в день спектакля Валентина, та, что в квартире Натальи Петровны жила, обещала прийти с работы пораньше и отпустить её. В благодарность Инна Леонидовна позвала с собой её дочку Наташу, благо пригласительный на два места, а та стала жалобно просить взять с собой её подругу Нюсю. Нюся оказалась дочерью той самой соседки Наташи Огородниковой, которая подтвердила её алиби. Так что явилась в театр она с двумя барышнями, чьи банты и платица нуждались в прихорашивании, и ничем существенным актёрам она помочь не могла. Только и успела перекинуться парой слов с Ромой. Он тоже занят был. Договорились созвониться в ближайшие дни. Рома глядел виновато: «Не знаю, что на неё нашло. Не говорит. Но дурь же очевидная!»

Потом как-то всё закрутилось и забылось.

Напрягали хозяйственные хлопоты. То и дело отключали водопровод. На улице горводоканал не ко времени вёл ремонтные работы с бесконечными раскопками. Зима в этом году была мерзкая, то снегопад, то оттепель. Отработав сме-

ну в пятницу, Инна Леонидовна с трудом открыла занесённую снегом калитку, добралась по сугробам до террасы, взяла лопату и с полчаса чистила дорожки. Подумала, что для неё, полсуток проведшей в помещении, это в удовольствие, а вот Лёшке, который только неделю как вышел на работу с больничного, с этим снегопадом будет справиться труднее, и решила с утра нагреть в гости в Патриаршее, благо впереди три выходных.

Ещё семи не было, когда она сошла с автобуса. А дойдя до проулка, охнула: дальше идти предстояло по снегу. В её-то коротеньких ботах! К счастью, тут с трассы свернул тракторишко и покатыл по дороге, пробивая узкую полосу. За ним и дошла.

А у дома уже копошились с лопатами супруги Пинегины, шуточно переругиваясь. Инна Леонидовна отобрала у Вари лопату и погнала её домой.

Варя к восьми убежала на свою почту, а Лёша через пятнадцать минут в школу. Инна зашла в дом и подмигнула лохмотому медведю, восседающему на спинке дивана: «Ну что? Ждём хозяина?»

День разгулялся солнечный, но во второй половине дня небо закрыли облака, а ближе к вечеру опять замело. «Будет завтра работы, хорошо, что не уехала», – сказала она сама себе.

И утром они втроём снова принялись за уборку снега. День выходной, вышли поздно, после завтрака, когда уже

вовсю светило солнце. Настроение поднялось, они перешучивались, бросались снежками, валялись на снегу. Подошла к забору соседка, глядела, укоризненно покачивая головой: «Ну, как молодые!» Варя ей кинула на ходу: «А мы очень даже молодые! Ещё не знаете, какие!»

Напротив дома на дороге остановилась знакомая машина. «О, дети приехали!» Варя побежала встречать гостей, Лёша с сестрой остались во дворе заканчивать работу. Инну Леонидовну неприятно царапнуло, что зять даже не дёрнулся им помочь. Понятно, Танечка с малышом, но здоровый молодой парень! Они бы, конечно, отказались, но из приличия-то можно было хоть предложить...

– Наверное, надо к воротам проезд расчистить? – спросила она.

– Да нет, – ответил брат. – Похоже, они ненадолго.

Ребёнок спал на супружеской кровати в спальне. Варя шустро сновала между кухней и залом, собирая на стол. Дочь с зятем сидели на диване, Танечка взахлёб рассказывала, что сдала последний «хвост» и собирается оформить свободное посещение, чтобы не потерять ещё год. А в июне, когда сессия начнётся, Варя возьмёт отпуск и посидит с Данечкой, пока она будет сдавать сессию: «Алексей Иванович ведь справится тут один?»

– Это вряд ли, – усмехнулся Лёша, скидывавший обувь и верхнюю одежду, и прошёл на кухню.

Опешившая Танечка поперхнулась и замолчала. Потом

раздражённо сказала:

– Мама, ты почему позволяешь ему тут командовать?!

– Как не командовать, он хозяин, – пожалала плечами Варя.

– Ты что, отказываешься мне помогать?

– Мы помогаем. А вот на июнь не рассчитывай. У нас другие планы.

– На курорт, что ли, собрались?

– Можно и так сказать. В роддом.

Танечка поперхнулась. Потом посмотрела материну фигуру и сказала:

– Ты рехнулась! Тебе сколько лет, сорок пять?

– Сорок четыре покуда. Могла бы и запомнить. Не чужие, чай.

– Мама, ты бабка уже! Какие дети в твоём возрасте!

– Доча, когда я попросила тебя побыть на хозяйстве, чтобы я могла за мужем в больнице ухаживать, ты что мне ответила? Что у тебя своя семья: муж и ребёнок. Вот и у меня теперь своя семья будет.

С криками и обвинениями молодые собрались за пару минут и уехали. Инна Леонидовна кинулась за тонометром:

– Варя, ты только не волнуйся, а то давление...

– Да ну их, Инна! Давай обедать. Конечно, я расстроилась.

Помнишь, ты летом сказала, будут ли они Лёшу дохаживать в старости? Я на тебя за детей обиделась. Как же так, он меня с детьми приютил, когда муж из дома выгнал, он их кормил, растил, учил. Конечно, будут! Только когда мы к нему в

больнице такому беспомощному приехали, Танечка себя показала. Зачем, мол, тебе инвалид? А перед командировкой мы ведь из-за беременности поссорились с ним. Я ему сказала, а он...

– Варька, перестань! Я растерялся просто! Пятнадцать лет вместе – и тут такое!

– Когда я его мычащего и избитого увидела – ну, всё, думаю! Рожу, пусть у меня от него сын останется! Хоть он и против. А ведь уже на прерывание записалась. А тут он тебе мычит: мишка, мишка! Ты догадалась, медведя этого вытащила из сумки. А я как обрадовалась! Значит, думаю, всё-таки захотел он этого ребёнка!

– Так что, сын?

– Нет, дочка!

К вечеру зятевы родители нарисовались. Сват даже не вышел из машины, а сватья, ухоженная и молодящаяся дама предпенсионного возраста, бегом взбежавшая по ступенькам высокого крыльца, с порога начала укорять и жизни учить. Но Варя, женщина бойкая и к конфликтам привычная, её перебила:

– Ну, сватыюшка дорогая, ты, конечно, старуха по сравнению со мной, но, если бы решилась родить, я бы слова тебе не сказала. Всё-таки люди мы неглупые, воспитанные, в чужую семью не полезем, у вас помощи не попросим и вам ничего не должны. Кому родить – тому и кормить.

Дальше пошли уже не поучения, а выкрики типа «дере-

венщина». Тут и Лёша в себя пришёл и на удивление спокойно сказал:

– Лестница там. Сами спуститесь или вас спустить?

И двинулся на неё. Гостья пулей выскочила из дома, грохнув дверь. Варя захохотала:

– Как ты её!

А Инна удивлённо сказала:

– Варь, ну ты молодец! Научила Лёшку политесу!

В сумерках они пошли провожать её на последний автобус. Во второй половине дня заметно потеплело, и стало скользко. Инна Леонидовна всё уговаривала родственников вернуться, не дай бог, Варя упадёт.

Сошла у больницы уже в темноте. Шла по тротуару довольно уверенно в своих ботах на резиновой подошве, но опасливо поглядывая на блестящую под фонарями обледеневшую дорогу: ох, по такому льду аварий будет! Дошла до перекрёстка и увидела, что дальше тротуар не расчищен. Повертела головой: по противоположной стороне дорожная техника уже проехала. Только вот переход не расчищен, вдоль дороги на газонах вал снега. Прищурилась: ага, там глубокие следы, кто-то пролезал, можно по ним пройти. Сзади шаги, люди вслед за ней пошли. Пропустить, что ли, кого-нибудь вперёд, чтобы легче было по натопанному пробираться? Приближаясь к обочине, поглядела направо, по этой стороне движения пока не видно, остановилась. Вдруг её осветили фары слева. Пока она шурилась, соображая, по-

чему с этой стороны, кто-то схватил её и бросил в снег. Машина пронеслась у самой кромки, обрызгав её талой водой. Что-то вопила в отдалении женщина, рядом мужской голос сказал: «Ну, у тебя и реакция, пареньь!», а чьи-то руки теребили её: «Тётя Инна, ты цела?»

Инна Леонидовна шарила рукой по снегу, пытаясь найти очки. Схватила их, встала. Достала из кармана платок. Протирая очки, внезапно ощутила, что одной ногой стоит в луже. Надела очки, поглядела. Правая нога была босая. А рядом отряхивался от снега племянник.

– Юра, ты как здесь?

– Я на Уремовском автобусе ехал, увидел, что ты от остановки идёшь, и решил сойти. У перекрёстка уже почти догнал. А когда дорогу начал переходить, гляжу – какой-то идиот вдруг пошёл влево – и на тебя! Я прыгнул и в снег тебя бросил. И сам свалился.

– Господи, как ты меня только сдвинуть мог! Во мне ведь без малого девяносто!

Противно завопила машина с мигалкой. Кто-то басом выговаривал стоящему рядом с ними парню:

– Ну, что случилось? По такой дороге занесёт, ничего сделать не сможешь!

– Умышленный наезд был, товарищ капитан! Вот, смотрите, проехал прямо у кромки, ни скольжения, ни торможения, след чёткий. Увидел женщину – и повернул!

Прибежала по дороге женщина, принесла утерянную

обувь:

– Вот, видите, он её за ногу зацепил и ботинок сорвал! Метров на двадцать откинул! Ой, он порванный!

Тот же бас принялся возмущаться, что женщина нарушила картину ДТП. Она в ответ сварливо заметила, что «снял бы с себя обувь и обул потерпевшую, чем её босиком держать». В конце концов Инну Леонидовну с Юрой отправили домой на полицейской машине.

Снег, два дня беспрепятственно заваливавший её двор, из-за потепления слегка осел и уплотнился. В некоторой растерянности хозяйка затормозила, думая, как пробраться до терраски за лопатой и не лучше ли сходить к соседям. Но Юра вырвал у неё из рук ключи и мужественно запрыгал по сугробам: «Я сейчас!», живенько пробил узенькую стёжку до калитки и предложил:

– Вы проходите, а я следом, только дорожку расширю и крыльцо очищу.

Полицейский уселся за кухонный стол, раскрыл свой планшет и начал её опрос как-то медленно, часто делая паузы. Вернувшийся вскоре Юра его спросил:

– Вам хочется, чтобы мы от претензий отказались?

– Ну...

– А мне не хочется! Мою тётю чуть не убили! Давайте-ка я сам объяснение напишу!

Подсел к столу и в два счёта накарябал пол-листа. Полицейский прочитал:

– Грамотно изложил...

– А я на юридическом учусь!

Полицейский крякнул и пошёл на выход. А Инна Леонидовна стала собирать ужин. А после ужина, domывая посуду, спросила:

– Ну, ты что, по наводке Танечки кинулся родителей жизни учить?

– Тётя Инна, зачем ты так! Я на каникулы! Я сегодня последний экзамен сдал!

– Но Таня ведь тебя ввела в курс дела?

– Ну да... тётя Инна, но ведь чудно!

– Танечкино мнение я слышала: надо ей помогать, а не новую дочку рожать. А у тебя какие претензии?

– Вот ты так это вывернула, что мы эгоисты конченные. Но я же за них волнуюсь. У мамы давление...

– Вот и не трепи им нервы. Юра, ты считаешь, что они глупее вас, молодых? Жизни не знают? Наверное, посоветовались, посчитали, взвесили риски и сложности. Когда Танечка в восемнадцать лет замуж выскочила, родители не в восторге были, но её решение не оспаривали. Она взрослая, это её жизнь! Но и у них жизнь не кончилась, когда они вас вырастили.

– Значит, мне на эту тему с ними вообще говорить не стоит?

– Есть тема, будут и разговоры. Только, скажу тебе, яйца курицу не учат. А когда ещё и индюки учить начинают...

Инна Леонидовна вспомнила о визите сватов и засмеялась. Рассказала племяннику. Юра захохотал:

– Вас спустить или сами спуститесь? Ну, Алексей Иванович! Мама – она умеет отпор давать. Но от него не ожидал! Молодец! Права ты, тётя Инна, по идее и нас надо с лестницы спустить, что за родителей решать вздумали! Это Танька виновата. Завела меня, что я чуть было не влез. Но как с ними говорить?

– А ты подумай.

– Так и скажу: я вас люблю, и сестрёнку, которую вы родите, любить буду. И всё! А на Таньку вы зла не держите, она же не такая. У неё просто после родов немного крыша съехала. Кроме своего Данечки никого не видит.

Инна Леонидовна облегчённо вздохнула.

Глава седьмая

Всё-таки Варя загремела в больницу. На работе голова закружилась, прибежала фельдшерица, померила давление и вызвала скорую. Две недели Инна Леонидовна моталась в Патриаршее, чтобы помочь брату. Хозяйство у них немаленькое, и птицу держат, и поросят откармливают. Уговорила сменщицу работать по два дня подряд, чтобы потом уезжать на два дня в деревню. А по утрам перед работой ещё бегала в больницу, чтобы Варю покормить домашним. Вымоталась сильно. Наконец-то невестку выписали, так что сегодня отдежурит, а завтра будет спать часов до десяти, а потом вообще ничего делать не будет. Жиличка Царёвых Валентина вечером после ужина, когда старуха задремала, поглядела на Инну Леонидовну и сказала:

– Что-то вы неважно выглядите. Идите-ка домой. Как бабуля проснётся, я ей таблетки слабительные дам и кефир на ночь. А если капризничать начнёт, моя Наташка её развлечёт.

– Я ей «Два призрака» спую, тётя Инна.

– Во, самое подходящее на ночь для женщин и детей!

Прийти домой пораньше не получилось. Вспомнила, что хлеба нет, зашла в магазин, встретила знакомую, переговорили, дошли до следующего, там встретила ещё одну знакомую, которая предупредила, что на их улице опять прорыв.

Пришлось прикупить ещё баклажку воды. Издали услышала, что работает экскаватор. Точно, у углового дома при свете фар копали. Войдя, она решила, что ничего делать не будет, а сразу ляжет спать. Но не успела даже разуться, как в окно забарабанили. Сосед колотился, Валет. Решила не открывать. Но он продолжал стучать и голосить. Открыла:

– Ну?

– Инночка, Христом богом прошу, пойдём со мной! Дашка заперлась и орёт дурным голосом!

– Ну вас, психов, – сказала с досадой Инна Леонидовна, но натянула шапку, запахнула пальто, сунула ключи в карман и захлопнула входную дверь.

У Копыловых было тихо. Инна Леонидовна огляделась: ну и бардак! Она уже много лет не переступала порога этого дома. Наверное, с тех пор, как её лучшая подруга Ира вышла замуж за Андрея. Да плевать ей на Андрея, но Ира решила, что виновата перед ней и избегала её всячески. А сколько у неё связано с этим домом! Маленькими Ира и Инна без конца бегали в гости друг к другу. Это отец Иры дядя Ваня спел когда-то новорождённому сыну Вале «песенку о папе». Когда Валька подрос, им приходилось таскать его везде с собой, потому что мать вышла на работу. Это они с Ирой, будучи подростками, придумали её младшему братишке кличку Валет, когда какой-то пьяный обратился к ним «дамы». Вскоре после неудачного замужества дочери родители Иры ушли друг за другом, восемнадцатилетний Валет женился на кра-

сивой, но недалёкой и скандальной Алле, которая умудрилась перессориться со всеми соседями. Теперь уже дочке их Дашке почти шестнадцать. Девчонка смазливая, но гулёна.

Инна Леонидовна вздохнула, вспомнив, какой порядок был в этом доме при покойной хозяйке и спросила:

– Ну, где Алла, где Даша?

– Алка в больнице, она на облучении, Ин... а Дашка...

Тут из-за двери туалета раздался какой-то утробный вой. Инна сразу поняла, в чём дело, взглянув на отломанную дверную ручку и спросила:

– Там обычная задвижка типа форточной? Неси топор!

Они отжали топором дверь, уложили девчонку на пол. Инна Леонидовна протянула руку:

– Давай телефон, – и, набрав скорую, сказала. – У нас преждевременные роды. Обменной карты нет, срок неизвестен, возможно, что-то приняла... девочке нет шестнадцати... адрес...

Валет возмущённо заорал:

– Ты что?!

– Валька, оттого что ты это будешь отрицать, оно не сосётся.

Медичка, приехавшая на скорой, оказалась знакомой. Сочувственно посмотрев на неё, спросила: «Что, достали бабы-родюхи?», и велела собираться.

Валька бестолково метался по дому, разыскивая документы, роняя одежду, бросаясь к дочери после очередного её

стона. Медичка скомандовала:

– Придётся вам с нами. Вы видите, какой он?

Да, она это видела. Махнула рукой:

– Ладно, я домой сейчас только...

– Некогда!

– Я без денег, без телефона, без документов...

– Валентин, прихвати кошелёк и телефон!

Валет вцепился в неё:

– Не бросай нас, Инночка!

За час домчались до областного перинатального центра.

В дороге Валет вёл себя хуже Дашки. Фельдшер Надя, с которой им повезло, потому что была она, несмотря на молодость, очень хорошим специалистом, и в народе считалась ведьмой, перенявшей свой дар от прабабки, не выдержала его истерик, и сказала:

– Валентин, чем ты можешь дочери помочь, так только заречься. Ну? Поклянись, что, если с дочерью и внучкой всё обойдётся, то пить ты больше не будешь!

Пару минут Валет молчал, а потом сказал:

– Клянусь, что брошу пить и курить!

– Надя, а почему ты решила, что внучка, – удивилась Инна Леонидовна.

– Чувствую...

Дашку увезли на носилках, Инна Леонидовна с соседом устроились в коридоре. Валет периодически начинал выть. Она подошла к дежурной медсестре:

– Ради бога, воткните ему какой-нибудь укол!

– Ох, уж этот слабый пол! Будет с него и микстурки!

Ранним утром к ним вышла пожилая врачиха:

– Вы родители?

Валет взвизгнул и кляцнул зубами. Инна Леонидовна сказала:

– Вот отец. Но... видите. Что с Дашей?

– С ней нормально. Но девочка тяжёлая... недель двадцать шесть, вес 920 грамм. Роженица сказала, что ребёнок ей не нужен.

– Этой роженице нет шестнадцати, так что решать родителям. А родители... вот видите... отец ничего не соображает, а мать... боюсь, что тоже откажется.

– Мать где?

– В онкологии лежит.

– Да, ситуация. Вы сможете с Дашей поговорить?

– Придётся. Валька, ты про внучку услышал?

– Инночка, я за неё молюсь... я обещал... я её заберу, даже если они откажутся!

– Ого! Не ожидала.

Условия в палате оказались не очень. Четырёхместная. Несмотря на ранний час, никто не спал. Даша лежала, отвернувшись к стене. Остальные пациентки прожигали взглядами её спину. Инна Леонидовна присела прямо на койку к соседке:

– Даша, слышишь меня?

Девчонка что-то пробурчала. Инна вздохнула и начала:

– Мы с Иррой, тёткой твоей родной, лучшими подругами были. Лет семь нам было. И вот ей рублик бабушка подарила. И пошли мы в ближайший магазин за конфетами. К кассе стояли, шалили, конечно. И Ира рублик оборонила. А одна вредная бабка сказала, что рубль её, обозвала нас воровками и обещала на нас родителям пожаловаться. Мы шли и плакали. Я очень боялась, что мама поверит этой бабке, что мы воровки. А мама обняла меня и сказала, что верит мне, а не какой-то чужой бабке. Ведь она моя мама и всегда будет меня защищать. Понимаешь? Я до тридцати двух лет жила с мамой и всегда знала, что у меня есть защитница. Вот ты сейчас решила, что тебе легче будет жить без твоей доченьки. А ей? Попадёт она в детдом, мамы у неё не будет. И маленькая, и большая, она во всём будет виновата. Нет и не будет у неё защиты...

Даша заревела:

– А она живая?

– Крошечная, слабенькая, но пока цепляется за жизнь. Там отец твой сидит внизу. С бодуна, конечно, бестолковый. Но поклялся, что бросит пить и курить, если вы обе выживете. За восемь часов, что мы здесь, ни разу покурить не вышел, держится пока. И ещё он сказал, что если вы с мамой от его внучки откажетесь, он её всё равно заберёт... только кто бы ему её отдал...

– Тётя Инна, а можно на неё поглядеть?

– Можно? – спросила Инна Леонидовна врачиху, стоящую в дверях.

– Поднимайтесь потихоньку, провожу.

– Ой, какая крошечная! Почему она в этой стеклянной штуке? – заплакала Даша.

– Плакать не смей, у неё же связь с тобой, совсем недавно вы были единым целым. А в кувезе она, чтобы температуру поддерживать, – сказала сопровождавшая их пожилая врачиха. – Скажи: «Доченька, я с тобой» и иди с богом. Но в палате думай о малышке, ей легче будет. Имя придумала?

– Ой... не знаю...

– Придётся Аллой назвать, чтобы мать на тебя не орала, – сказала Инна Леонидовна.

Вниз Инна Леонидовна спустилась с ватой в ноздрях и в сопровождении медсестры. Увидев её, Валет снова заскулил.

– Валька, прекращай истерить, надоел до смерти, – сказала она. – Толку от тебя, как от козла молока. Нам помощь нужна. Звони Ире.

– Я звонил уже. Она меня послала. А теперь не отвечает. Мы же поругались давно...

– Ты или Алла?

– Ну да, Алка с ней ругалась. А я что, я молчал. А она обиделась на меня. Ты позвони ей сама. Но с другого телефона.

Медсестра протянула ей свой телефон.

– Ира, здравствуй, трубку только не бросай, – и в ответ на её выдох «Ой, Инна...» быстро заговорила. – Мы здесь в пе-

ринатальном центре. Несколько часов назад твой брат стал дедом... да, нет шестнадцати... да никто не знал! И Аллу не обвиняй, она здесь же, только в онкологии. И пора вам забыть ваши обиды. Вы же самые близкие, Ира! Дашка нормально, ребёнок очень слаб. Будешь помогать? Значит, бери бумагу, а я передам трубку медсестре, она продиктует тебе, что нужно привезти. И ещё поесть ей что-нибудь прихвати, она очень есть хочет. Мы с Валькой должны уехать, потому что у моего дома человека убили. Предположительно мы свидетели... а может, подозреваемые. Тут скоро машина полицейская подъедет за нами. Если нас не застанешь, иди племянницу кормить. Да, мощной не тряси, в другую палату не переводи. Соседки у неё хорошие женщины, они её на путь истинный наставляют.

Глава восьмая

Ей плохо стало, когда они вышли из безмолвного отделения реанимации и проходили мимо звучащей детской палаты. Сказав: «Ну, дальше сами», привалилась к стеклянной стене.

Врачиха кивнула, крепко ухватила Дашку под руку и потащила её по коридору, не давая обернуться. Буквально через минуту вывернулась из-за угла медсестра и завела Инну Леонидовну в процедурный кабинет. Она хлопотала над ней, приговаривая:

– Носовое кровотечение – это хорошо... это организм сам себя освобождает от негатива...

Померила давление, сделала укол, велела прилечь. Потом вернулась врачиха и сказала:

– Вы ведь Кожевникова? Вас разыскивают. Кого-то там убили около вашего дома. Просят срочно вернуться для опознания. Машина заедет за вами в ближайший час. Идите пока, купите, что роженице требуется. И поесть она просит.

– Боже! Кого убили?

– Наверное, незнакомого. Соседи не опознали, значит, не ваш родственник.

– Ну да, – облегчённо сказала она, прикидывая, что активистка из углового дома наверняка там, а она ни одного посетителя их квартала не пропустит и всю родню соседей до

седьмого колена знает.

Ира с сумками наперевес и полицейский, посланный за ними, появились почти одновременно. Обнявшись с ней на ходу, они разошлись: Инна Леонидовна и Валет к машине, а Ира помчалась кормить племянницу.

В дороге полицейский о происшествии не проронил ни слова, оговорившись незнанием, мол, он со вчерашнего дня в областном центре находился и только сейчас получил приказ их с собой прихватить, а по приезде они узнали, что вечером у дома Инны Леонидовны погиб, упав в прорытую водопроводчиками траншею, Рома Корзун. Поскольку их алиби было чётко зафиксировано в журнале вызова скорой и могло быть подтверждено видеокамерами перинатального центра, опросили их быстро и формально. Полицию интересовало только, зачем Рома к ней шёл.

– Я понятия не имею, – ответила расстроенная Инна Леонидовна. – Общались мы с ним только в театре. У меня он никогда не был, потому что незачем. Да вы спросите Кузнецову из уголовного дома. Мимо неё не то что комар, вирус не проскочит. Если она Рому не опознала, значит, не видела его никогда.

Полицейский не сумел скрыть ухмылку, видно, с утра имел несчастье захлёбываться в море информации, выплеснутом активисткой. И отпустил их с миром. Траншея у её дома, кстати, уже была зарыта, хотя, когда они с Валетом уезжали на скорой, её ещё не было. Всю ночь, что ли, работали?

А активистка оказалась не такой уж плохой. Перехватив их около своего дома, она выспросила у Валета, когда возвращается из больницы Алла, и узнав, что послезавтра, всполошилась:

– Как же так, Валентин! Ты ж, небось там всё зас... это, как сказать, замусорил! Ну-ка, пошли, надо прибраться, обед какой ни то сгношить.

Через день были похороны. К дому Инна Леонидовна не пошла, зная, что в десять отпевание в храме. Народу стояло на удивление много. Она пристроилась у окна, спрятавшись за двумя высокими тётками. Подошли Ираида Семёновна и Таисия Андреевна, их сопровождал тот полицейский начальник, который так пялился тогда на её боты. На удивление они очень по-приятельски беседовали. Странно, то в крышевании рэкетира Царёва его обвиняли, а то чуть ли не обнимают. И он обращается к ним просто по имени, а Ираида Семёновна к нему: «Ванечка!»

Как-то получилось, что Инна Леонидовна вышла после службы вместе с ними и оказалась в его машине. Вдовы не было. В толпе говорили, что ей стало плохо. Перешёптывались: что с головой. По дороге на кладбище процессия остановилась у клуба. Там оказался почти весь коллектив театра, художественной мастерской, клуба. Короткая гражданская панихида у входа. Небольшая заминка после. Мужики решили нести гроб до кладбища. Возражал мужчина, очень похожий на Рому, что-то говорил о времени заказанных поминок.

Потом директор Федя, уже прилично набравшийся, отмахнулся от него и скомандовал: «Ребята, взяли!» Ребята, другие-собутыльники Ромы, подняли гроб, оттеснив работников ритуальной службы, и пошли к дороге, смяв толпу провожающих. Схватил крышку гроба и полетел обгонять их один из ритуальщиков. Подхватила один из венков и устремилась за ним Инна Леонидовна. Её обогнала Таисия Андреевна, тоже с венком, и зашипела на мужиков: «Тормозите, придурки!» Женщины с венками встроились в процессию, и всё наконец приняло пристойный вид.

У ворот старого кладбища гроб всё-таки пришлось установить в катафалк. Оказалось, место приготовлено на новом. И женщины опять сели в машину.

– Почему Райка его со своими не положит, – возмущалась Таисия Андреевна.

– С первым мужем рядом? – спросила ехидно Ираида Семёновна.

– А с его роднёй?

– Он не местный, – тихо сказала Инна Леонидовна.

Отвечая на вопросы, она рассказала, что Рома здесь оказался по распределению после училища киномехаников. Что родом он из Новогорской области. Про родственников ответила, что тот, кто распоряжается, не брат, а дядя. У них разница в возрасте небольшая, лет десять, что ли. А молодой мужчина – это сын дяди, Ромин брат двоюродный. Была ещё сестра, но год назад умерла. Нет, осенью они с Раисой Ми-

хайловной на другие похороны ездили, троюродного брата. И только потом до неё дошло, что театральные старухи молчат, вопросы задаёт полицейский, а она на них отвечает. Он тоже понял, что она это заметила, и спросил в лоб:

– Инна Леонидовна, как так получилось, что вы о Корзуне больше знаете, чем мои весьма компетентные в местной жизни дамы?

Она усмехнулась:

– Вот и Сергей Сергеевич высказал предположение, не взревновала ли меня Раиса Михайловна к своему супругу. Нет, ничего такого. Мы знакомы пятнадцать лет и всегда были... не знаю, как сказать... ну, не друзья, но душевные приятели. Рома в сущности был очень одиноким человеком. Эти его кореша, что рьяно схватили гроб, они только собутыльники. Так сложилось, что ему поделиться личными обстоятельствами просто не с кем. В жене он довольно быстро разочаровался, хотя тогда, лет пятнадцать назад, был безумно влюблён. Она, ну, вы знаете, женщина яркая, но надменная и самовлюблённая. В театре он с удовольствием работал, и относились к нему хорошо, и он был к вам ко всем привязан. Но... все в творческом процессе. А мы в техническом. Рома с отвёрткой, я с иглой. Ну, и болтали.

– Инночка, извини, но ты в театр почти уж год не ходишь, – осторожно сказала Ираида Семёновна. – А сведениями за последний год располагаешь. И к тебе домой он в день смерти первый раз пошёл. Я это точно знаю, он у меня спра-

шивал, где ты живёшь. Я и сама точно не знала, сказала, что в Ветошниках и вроде над оврагом.

– Да, ему по дороге ваш сосед подсказал номер дома, – подтвердил Иван Иванович.

– Рома иногда заходил в отдел поговорить.

– А как к этому относилась его жена?

Инна Леонидовна надолго задумалась. Потом ответила:

– А ведь мы втроём практически не пересекались. К ней в кабинет он при мне, можно сказать, не заходил. Да и ко мне, наверное, раза три-четыре за год. Один раз, я помню, когда дочь Раисы Михайловны в гости приезжала, он в перерыв зашёл. Я ещё удивилась, что, мол, к праздничному столу обедать не кинулся. А он: ну, ты знаешь...

– Что «знаешь»?

– Она подростком уже была, когда они поженились. И всегда очень его не любила. Вот только теперь дошло, он приходил, когда на душе совсем гадко было, а деваться некуда. Между майскими праздниками тогда, потом летом, когда он вернулся с похорон сестры двоюродной, потом один раз он зубом маялся, я его в поликлинику уговорила. Раиса Михайловна даже поблагодарила, мол, все нервы вымотал, а не шёл...

– То есть из вашего общения он секрета не делал, и она на это спокойно реагировала?

– Да конечно! Ой, нет...

– Что такое?

– Осенью, незадолго до увольнения, когда они вернулись с похорон дальнего родственника и Рома зашёл за ней... вот именно, не ко мне, а за ней! Присел у моего стола, пока она по телефону говорила в своём кабинете. Что-то начал рассказывать, и тут она вылетела как фурия и начала на него орать! И на меня! Мол, не пустые разговоры вести надо, а работать! Пожалуй, с тех пор у неё ко мне неприязнь появилась.

– Значит, всё-таки ревность?

– Нет, совсем нет. Мне кажется, что-то он сказал, что ей скрыть хотелось. И злость её из-за того, что я теперь знаю это... а я её-богу, ничего не знаю!

– Семейная постыдная тайна?

– Нет, это Ромин родственник. Ей-то что?

– Инна Леонидовна, постарайтесь вспомнить.

– Да зачем?

– Ох, как бы это вам сказать... его ведь убили, Рому вашего.

– Ваня, – вступила в разговор Ираида Семёновна. – Как же убили? Он же в траншею свалился. Столкнули, что ли?

– Об этом мы поговорим позже. Вы на поминки пойдёте?

– О чём вы?

– Инна, наши в кафе не идут, но в театре сейчас соберёмся, помянуть надо, – сказала Ираида Семёновна.

– Нет, извините, я домой...

– Не возражаете, я завезу вас в полицию для короткой бе-

седы под протокол?

– Ну, если надо...

У машины Инну Леонидовну окликнула инспектор отдела культуры, уговаривая поехать с ними в кафе. На её голос обернулся брат покойного. Сев в машину, она сказала Ираиде Семёновне:

– Ну и взгляд у этого кузена! У меня от него аж подошвы задымились!

– Да, странный тип. Вы знакомы?

– Только со слов Ромы.

– А такое впечатление, что вы у него машину угнали. Или боится, что на всех закуски и выпивки не хватит?

В полиции на этот раз она оказалась в кабинете зама. Он даже чая предложил. Инна Леонидовна испуганно отказалась, но Иван Иванович сказал:

– Ну, не хотите чая, Ксения Васильевна вам кофе нальёт. У нас он неплохой, из кофемашины. И бутерброды берите, время обеденное. Пока не поедим, разговаривать не будем. У нас знаете, как? Вмиг аппетит испортим.

И как-то незаметно для себя она три бутерброда смолотила. Иван Иванович съел вдвое больше, ел жадно и некрасиво, а залпом запив чаем, промычал, что сегодня не завтракал и на обед сходить некогда.

– А теперь к делу. Вот, у меня тут результаты экспертизы. Хотите, сами прочитаете, а могу я вкратце изложить.

– Давайте прочитаю, – ответила она, почувствовав подвох.

А уловив на его лице быстро подавленную ухмылку, ещё сильнее укрепились в желании разобраться самой. Сначала испугалась, что дело безнадёжное, но потом, вчитавшись, поняла, что это не так уж сложно. Достала свой телефон, пролистнула звонки. – Ну, что ж, понимаю. Водоканал вёл ремонтные работы до восьми вечера, тогда и дощатый мостик через траншею перебросили к моей калитке. Судя по справке об осадках, подпил сделан не раньше половины девятого и не позже десяти. Рома звонил мне восемь раз, последний в девять двадцать. Тогда, судя по всему, он и вышел из клуба...

– Нет, раньше, – сказал появившийся в дверях мужчина. – В девять пятнадцать он зафиксирован видеокамерами в универсаме «Пятёрочка» на кассе, сигареты покупал.

– Проходи, Витя, – кивнул ему Иван Иванович.

– Значит, позвонил с дороги. И получается, я косвенно виновата в его гибели. Если бы я захватила с собой телефон, он бы передал, что хотел, и ко мне бы не пошёл. Или если бы я хотя бы выключила свет на террасе, он бы увидел, что дома никого нет, и не стал бы переходить через мостик.

– Не факт, – возразил Иван Иванович и протянул ей упаковку бумажных платков. – И не он, так кто-нибудь другой бы разбился.

– Ко мне редко люди ходят. Соседи иногда, а родственники ещё реже...

– Ну, так давайте уже, додумывайте!

– Что?

– Что Корзун к вам идёт, злоумышленник знать не мог. Когда ваш Рома спросил адрес у Иры, при этом никто не присутствовал. Его появления не ожидали. Мостик для вас подпиливали.

Инна Леонидовна это и сама поняла. Это было бессмысленно, но были люди, которые желали ей зла: сначала Лёшу чуть не убили, потом Мильчикова хотела в тюрьму посадить, потом её саму чуть не задавили, потом подпилили мостик.

– Я ничего не понимаю, – растерянно сказала она. – Из всех моих недоброжелателей только одна известна – Мильчикова. Её надо спрашивать, – она осеклась, потому что зазвонил телефон. – Я отвечу? Валь, что? Не реви, дурачина! До выходных поживёшь у меня, потом к Ире съездишь. Она у вас глава семьи, она всё решать будет. Нам с тобой Аллу не побороть. Особенно если она с мамашей... и не пей, ради бога! Я скоро приду, дождись... замёрз? Да, ветер... там щель внизу у порога, ключ нашаришь. Посиди в кресле, в шкафу старые одёжки. Я скоро!.. Можно, я пойду уже?

– Сосед? Вы ко всем алкашам с сочувствием бросаетесь? К Корзуну, к Копылову? Что за хобби у русских баб слабаков жалеть? Вот скажите, а если вы ему позвоните, он тоже вас кинется спасать?

Инна Леонидовна вдруг сердито и решительно сказала: «Нет!»

– Нет? А что же вы к нему понесли?

– Нет – потому что не позвоню! Потому что он действительно слабак!

– Ладно, идите, – дождавшись, когда дверь за ней захлопнулась, сказал. – Вот, ведь соображает. И гордость есть. А убьют дуру! Значит, так, друг мой Витя. Убивают у нас за что? За деньги, за любовь, спьяну... да и всё, пожалуй. Пить тут не с кем, любить некого. Так что прокачай мне её родословную и всю подвижность и неподвижность её и родственников. Может, у неё в предках кто-нибудь из аристократов? Может, владеет она алмазом Санси?

Витя вдруг спросил:

– Иван Иванович, она ведь добрая. У меня бабушка такая была, за всех молилась, всем помогала. За что вы с ней так?

– Так – это как?

– Жестоко как-то...

– Это она сама с собой жестока. Ты знаешь сколько ей лет? Она тебя старше лет на десять всего. А ведёт себя... вот, как ты сказал... бабушка! У неё высшее образование, а она сиделкой у старухи парализованной, дерьмо из-под неё выгребает. А получает в месяц, сколько ты за неделю. Ты видел, как она одета? Это ещё ботинки новые на ней, а то раньше в войлочных ботах ходила.

– А вам-то какое дело?

– Вот видно, что ты не опер. Она просто находка для преступника. Терпила она, вот кто! Я оперским своим нюхом чую, что мне протокол о её вскрытии читать!

Глава девятая

Два дня Валет ночевал у неё в зале. Но Инна Леонидовна привыкла жить одна. Она уж и не припомнит, когда кто-то к ней в дом заходил, а уж с ночёвкой... вот только Юра тогда, но он – дело другое, он родной. Так что она с облегчением вздохнула, проводив Валета утром пятницы на смену. С работы он собирался сразу на автостанцию – и в областной центр. Вот и пусть Ира решает семейные проблемы: навещает племянницу в больнице, водворяет брата в собственный дом, из которого его выгнали вернувшись из больницы Алла и примкнувшая к ней тёща. Она поговорила с Ирой по телефону. Подруга детства даже заикаться начала от возмущения: как это можно позволить выгнать себя из собственного домовладения:

– Ещё спасибо, что у меня там половина в собственности!

– Ира, я бы тоже оставила им свой дом на разграбление, если бы они ко мне проникли. Алла иногда кидается на меня, и я всегда отступаю, хотя прёт она всегда напраслину.

– Слабаки вы с Валькой!

– Ага...

В воскресенье Ира привезла брата домой, выдворила из дома его тещу и приструнила жену. Позвонила Инне Леонидовне, которая была на дежурстве. Подъехала к дому Царёва, поговорили у подъезда. О чём говорили? Естественно, о

Валькиной внучке. Ира сказала, кто счастливый отец этого ребёнка, и поделилась своими мыслями по поводу кары за отцовство.

– Ох, Ира, – покачала головой Инна Леонидовна. – И да- лась же тебе эта кровная месть! Делали ребёнка они вместе и с взаимным удовольствием. Вся его вина в том, что Даш- ка в то время ещё не вступила в возраст согласия, а пацан оказался на год старше. Ты меня извини, но по интеллекту они очень друг другу соответствуют. Пустьшки оба. В роли мужа он вам не нужен. В роли жертвы он обрадует только Аллу. Я бы на твоём месте скрыла его отцовство, чтобы ли- шить её удовольствия нервы ему и его родителям потрепать, дочь свою на весь город ославить и деньги у них вымогать. И, помнится, полгода назад сюда другой бычок похаживал. Ты уточни, может, и не он виновник торжества? Не идеализи- руй Дашку из-за того, что она передумала ребёнка бросать. Может ещё раз передумать.

– Простить такое? Ну, нет!

Ира в раздражении хлопнула дверцей своего крутого авто и унеслась. Но вечером позвонила и повинилась:

– Инна, прости меня! Как меня раздражает твоя уступчи- вость, но ведь ты чаще всего оказываешься права! Я пого- ворила с Дашкой и пребываю в шоке! Кроме этих двух, как ты их назвала, бычков, у неё ещё один был! Она его однора- зовым называет, представляешь? Рассталась с первым, один раз перепихнулась со вторым и задружила с третьим! И всё

это примерно полгода назад, но точно не помнит, дневника интимных встреч не вела. Они как собачки, эти детки! От кого она залетела, покрыто мраком неизвестности. Я сделаю как ты сказала! Я Дашке объяснила, что её случки ей чести не делают, и если Алла начнёт трёх мамаш и трёх папаш шантажировать, то слава у Дашки будет ещё та! А она мне говорит, что не собиралась никого обвинять, потому что ни один из них в качестве папаши ей не нужен. Будет, мол, вести степенную жизнь и искать серьёзного мужика постарше. И родит ему ещё мальчика, а может, даже трёх. Ей детки нравятся. Представляешь, какая дура?

– Чтобы финансовым директором крупной компании стать как ты, ей, скорее всего, ума не хватит. А вот стать женой, хозяйкой и матерью – почему нет?

– О-о! – взвыла Ира.

– Ира, ты больше не пей. И не звони сегодня никому!

– Что, так заметно? – ахнула она и отключилась.

А Инна Леонидовна, вернувшись вечером домой, вызвала соседа и спросила:

– Ты-то как на всё это смотришь?

– А что смотреть, Инночка, я кругом виноват. Проглядел дочь. А что я мог ей сказать, если каждый день пьяный? Но теперь я твёрдо решил, что завяжу. Ирка-то ведь попивает, знаешь?

– Потому я и позвала тебя...

– Да, Ин, дело аховое. Нельзя мне пить. Я вчера внучку на

руках подержал. И понял: один я у неё защитник. Бабы мои все дуры: и жена, и сестра, и дочь. Ради неё надо в трезвом уме держаться, деньги зарабатывать. И следить, чтобы как Дашка не пропала.

– Почему ты решил, что Дашка пропала? Она теперь собирается найти серьёзного мужика и родить ему трёх сыновей. А в тебя я верю, Валь, – торжественно произнесла Инна Леонидовна. Но, если честно, не верила и не надеялась.

Утром отправилась на автовокзал, чтобы отправиться в Патриаршее. Инна Леонидовна туда теперь ездила не часто, но раз в неделю обязательно. Уже показался вдали автобус, пассажиры подхватывали сумки с земли, но в это время около неё притормозил хозяйский автомобиль:

– Не в Патриаршее? Садитесь, я туда!

Где-то на середине пути выяснилось, что едет он не в Патриаршее, а на конюшню.

– Так это вам перед Зосимками свернуть придётся. Конюшня за Торфянкой, а мост уж лет двадцать, как разрушили.

– Вас отвезти или вы со мной сначала до конюшни доедете?

Инна Леонидовна не была в родовом гнезде с того времени, как бабушку Веру забирали, а это уже с четверть века как. Смотреть на разорение больно, но напрягать постороннего человека не хотелось:

– Вы ведь туда ненадолго?

– Только погляжу, а потом в администрацию в Патриаршее.

– Ну так поехали!

До моста ехали по хорошей трассе, затем свернули на грунтовую и долго ехали вдоль берега неширокой речушки Торфянки. Когда вдаль показались здания конюшен, шофёр удивился:

– Чудно, на пустом месте – и вдруг большие дома!

Дорога постепенно поднималась к небольшому леску на взгорье, от которого лиственничная аллея вела к конюшням на низком голом берегу Торфянки. Ещё три лиственницы окружали длинное кирпичное здание барачного типа, но с лепниной над высокими окнами. Закопчённые стены и провалившаяся крыша не вызывали сомнения, что здесь был пожар.

– Это конюшня?

– Это берейторская.

– Что?

– Во времена конезавода это была школа верховой езды. Тут мальчиков учили. И они здесь жили. И ещё тут жили те, кто здесь служил: конюхи, ветеринар, тренеры. Потом была начальная школа, в ней бабушка Вера учительствовала, а позже больница, когда школу в поповский дом перевели. А когда в Патриаршем новую школу построили, давно, я ещё маленькой была, то больницу в здания старой школы перевели. А здесь открыли дом престарелых, а в дальнем кры-

ле жила многодетная семья Фуриков. Проезжайте дальше, к конюшням.

Длинная конюшня была расположена под прямым углом к берейторской. Дорога, ведущая вдоль неё, заросла травой чуть ли не по пояс. Сейчас, когда снег почти растаял, мокрая жёлтая трава лежала на земле плотно, как приглаженные рыжие волосы, а лопухи, чертополох и крапива торчали ржавой арматурой. А упиралась дорога в высокое здание без крыши.

– Это что, барский дом?

– Это крытый манеж.

– Уй-ё! – простонал шофёр. – Если бы я пацаном сюда попал, я бы... не знаю, я бы отсюда никуда бы не ушёл. Я и сейчас охреневаю!

– Да, Инна Леонидовна, – вздохнул Царёв. – У вас было счастливое детство. Мои игры проходили в Ветошном овраге на берегу Шилейки.

– Так и мои там же, – улыбнулась она. – Только на другом берегу. Ваш барак с городской стороны, а наш дом – с Ветошной. Мы там с Ирой Копыловой шалаша в лопухах городили. Сюда мы с мамами приезжали, когда у них отпуск был, или на выходные.

– Всё равно здорово, – сказал шофёр и полез по лопухам к окну. – Ух ты, тут жили, похоже.

– Да, это бабушки Любы денник, – пробираясь вслед за ним, сказала Инна Леонидовна.

– Денник?

– Это же конюшня. Когда бабушке Вере разрешили здесь поселиться с сёстрами, она заняла крайний денник. Поверх загородки старые доски приладила, на них всякий хлам навалила, чтобы тепло держалось. Буржуйку поставила. Только в первое время естественного освещения не было, потому что окна здесь под крышей, выше загородки. Потом родители школьников понемногу помогали обустраиваться, нижние оконные проёмы пробрили. Сельсовет печника послал. А уж после войны, когда бабушка Вера женихов сёстрам приискала, дедушки четыре денника под комнаты обустроили.

– Как это приискала?

– Ох, молодым не понять. Мы, девицы из рода Ивановских, фигурами приземисты, на лицо неказисты. В мирное время ещё куда ни шло. А после войны женихов стало мало, они имели возможность перебирать. Так что баба Вера взяла это дело в свои руки. В войну в больнице госпиталь был. Когда фронт на запад покатился, вслед за ним и госпиталь ушёл. Остались здесь несколько солдатиков-инвалидов на долечивание. Она к ним присмотрелась, расспросила, двоих в гости позвала. Один молоденький был... деда Петя Пинегин, родом из Конь-Васильевки, но круглый сирота, совсем без родни. А другой, деда Вова, ему уж под сорок лет, у него вся семья в Белоруссии погибла. Ну, угостила их, посидели за столом, поговорили. Она им и говорит: вот, мол, вы одинокие, и мы такие же. Приглядитесь к моим сестрёнкам, они у меня хорошие. Девчонки заплакали, а из-за сто-

ла выйти не посмели, она их в строгости растила. Мужики ушли думать, а баба Вера сёстрам сказала: «Мы здесь чужие, вам заступники нужны. А у этих на двоих три руки, три ноги. Будут хозяевами и заступниками».

– Это же мрак какой-то, средневековье!

– А ничего и не средневековье. Баба Надя с дедой Петей через две недели расписались в сельсовете. И прожили в любви и согласии почти двадцать пять лет. А баба Люба ещё год в Утятинском педучилище доучивалась, постепенно к деду Вове приглядывалась. А потом они с ним тоже расписались. Он меньше прожил, старше потому что и осколков в нём много было. И баба Люба всегда говорила, что лучше её Володеньки она и представить никого не может. Нагляделась на другие семьи. Когда я молодая была, я от этих рассказов тоже возмущалась. Но знаете... когда я своего жениха в дом привела, баба Вера на него поглядела и сказала: «Ты меня не слушаешься, а я не в силах уже вас на путь истинный наставить. Поэтому я сегодня дарю тебе медальон моей мамы. Не на свадьбу, а перед свадьбой, и при свидетелях. А малый этот гнилой породы, предатель».

– Глаз-ватерпас, – покачал головой Царёв. – А Кожевниковы при разводе и вправду пытались золотишко в общее имущество включить?

– Да. Соседи, которые на сватовстве присутствовали, показания на суде давали. Так что брак по расчёту – неплохая вещь, если расчёт верный. Ну, ладно, будет о грустном! Да-

вайте в главные ворота зайдём.

– Что такие высокие?

– А вы думаете, какая высота нужна, чтобы всадник въехал? Так вот, во времена моего детства тут был склад вторсырья.

– Что это под потолком мелом понаписано? Как добирались ребятишки?

– Этим записям не меньше тридцати лет. Видите доски? Это потолок обвалился. А по потолку мы в детстве лазили. Наш штаб был. Под стропилами секретики прятали.

– Догадываюсь, что эту надпись Игорь делал, – усмехнулся Царёв, указывая на «Малыши-карандаши, по тарелкам попляши».

Заглянули в манеж. Инна Леонидовна сказала:

– Спасибо вам, я успокоилась. Думала, тошно будет, а от овцеводов следов не осталось. Кроме разрушенного моста и пожара.

– Они сожгли?

– Нет, они мост разрушили, чтобы деревенские не ходили к ним корма воровать. А те в отместку берейторскую подожгли, где хозяева и работники жили.

Дошли ещё до разрушенного моста, Царёв постоял, что-то прикидывая.

– Сергей Сергеевич, я так понимаю, вы хотите эти земли прикупить?

– Как сказать... приехал я сюда чисто из любопытства. А

вот поглядел, и захотелось мне конюшню завести...

– Ну, красота! – не удержал восторга шофёр.

– Вы учтите, лошади – это очень дорого. Дороже ваших крутых автомобилей.

– Да я что, скачки устраивать? Я каких-нибудь бракованных, старых. Чтобы ребятишек катать, например.

– Богатые сюда не поедут, далеко. Объект социальной направленности... ну что ж... можно для больных детишек, но это с родителями... можно для хулиганов, летний лагерь. Только не говорите пока никому. Неизвестно, как местные отреагируют. Не любят здесь варягов.

– Да что там, куплю этот кусочек землицы, а потом пусть говорят, что хотят.

– У конезавода свои поля были. Надо же корма самим выращивать, на лугах траву косить, опять же, не топтаться же лошадам на маленьком пяточке. Коням простор нужен. По идее, всю заречную сторону надо выкупать. Вы сначала со специалистами посоветуйтесь. А в местной администрации скажите, что будете тут мотокросс устраивать. Или наоборот, пчёл заведёте и поля медоносами засеете.

В Патриаршем Инна Леонидовна увидела припаркованную машину Лёшиных сватов и огорчилась: опять Варя нервы мотают! Царёв поглядел на её угасшее лицо и сказал:

– Я через час-полтора назад поеду. Звякну тогда. Если вздумаете уехать, я вас с собой прихвачу.

А в доме Пинегиных шёл громкий разговор. Вникать в

него Инна Леонидовна не стала, а прошла на кухню и села чистить картошку. Вслед за ней зашёл Юра и закрыл дверь:

– Надоели! Правильно ты их назвала – индюки! Всё учат!

– Прогуливаешь, племянничек? Понедельник, а ты дома.

– Ты что, тётя Инна! Я в субботу кровь сдавал, мне справку на два дня дали. Давай я лучше тебе помогу.

– О чём шум?

– Предлагают купить молодым квартиру.

– На какие шиши?

– А их не волнуют шиши. Им денег надо.

– Таких денег у ваших нет. Так чего шуметь?

– Уговаривают взять кредит.

– Рехнулись? А отдавать с одной Лёшиной зарплаты? Ты учишься, малышка появится, да и Танечке худо-бедно помогать надо!

– А почему это Танечке худо-бедно?

В дверях стояла Танечка и сверлила её гневным взглядом.

Варя подошла:

– Что шумишь, доча?

– А вот тётя Инна ваши деньги считает: сколько на твою семью, сколько Юре, «да ещё Танечке худо-бедно помогать надо».

Прочитировала она пищащим детским голоском, передразнив Инну Леонидовну. Но Варя в гневе тоже слов не выбирала:

– А с каких это пор мы должны этих содержать?

– Кого это «этих»?

– Свёкров твоих! Квартиру ведь на них оформляют!

– Ну и что! Это потому что льгота от комбината, а там только папа работает.

– Ага, а если они решат, что папа тебе больше не папа, так пошла ты вон! Или суженый твой блондинку найдёт, чтобы тебя была помоложе? А мы ещё долго будем с кредитом расплачиваться.

– Они порядочные люди!

– Твой родной папа тоже считался порядочным. Только выкинул он меня с вами маленькими из своей квартиры как ссанные башмаки, а к Юриному совершеннолетию за ним по алиментам долг повис аж на двести сорок тысяч. А ты теперь с отчима, который тебя вырастил, решила всё недополученное стясти?

Свекровь, следившая за перепалкой с поджатыми губами, вмешалась:

– В конце концов, этот дом куплен вами в браке, и Танечке здесь доля принадлежит! И сын её тут прописан.

– Таня, ты тоже так считаешь? – она поглядела на накупившуюся дочь и взвыла. – О-о, кого я вырастила! Юра, а ты что молчишь? Давай, добивай родителей!

– Мам, ну ты чего? Не волнуйся, я не тварь неблагодарная. А потом, я же Таньке с Данькой регистрацию оформлял, и знаю, на кого собственность.

– Неважно, на кого собственность, – с апломбом заяви-

ла свекровь. – Всё, купленное в браке, считается общей собственностью.

– Так я по сию пору в браке с первым мужем, – засмеялась Варя. – Тоже Пинегин был, тут все Пинегины. Трясите с него рубли и метры, может, что и обломится.

Инна Леонидовна вскочила с табурета и полетела в зал:

– Лёшка, ты что творишь? Вы не расписаны? У тебя хоть завещание есть?

– Ты чё, Ин, – спокойно откликнулся он. – Я ещё молодой. Сама-то, что ли, написала?

– А если бы ты тогда зимой погиб? Что бы с Варей было?

– Но не погиб же. А потом ты же у меня по закону наследница. Ты бы Варю не обидела.

– Ты понимаешь, что я не одна наследница? Ты понимаешь, что Игорь – точно такой же наследник? Я-то, когда последний раз с ним пообщалась, додумалась к нотариусу сходить!

– Да на кой ему домик в деревне?

– Игорь угол в конюшне – и тот умудрился продать. При его родственной любви к нам он судился бы за каждую курицу. Он бы облапошил нас, слабых баб, тем более, после такого удара. Мы от твоего наследства получили бы мизер, которого Варе бы дай бог хватило на однокомнатную квартиру в барачном доме. А ей ещё детей учить.

– Да ладно, Инна, не расстраивайся, всё же обошлось.

– Юра, ты видишь? Родители твои совсем думать не уме-

ют. Что делать будем? Давай, юрист, включай мозги!

– Значит, так. Маму надо срочно развести. Мам, где мой биопапа? Ему надо сказать, что, если затянет с разводом, мы на сестрёнку с него алименты стребуем.

– Пять лет назад в Конях жил.

Юра стал названивать в сельсовет. Инна Леонидовна помахала ему, мол, на тебя одного рассчитываю, и стала одеваться. Пинегины кинулись уговаривать её остаться. Но она сказала:

– Видеть вас не могу, легкомысленные вы люди! Пока Варя не станет законной женой и наследницей, я к вам не приеду! О детях бы хоть подумали!

Очень кстати позвонил Царёв, что подъезжает, и она засемила к калитке.

Глава десятая

И что за необходимость была приглашать сватов? Посидели бы они: Лёша с Варей, Юра... да и всё! У Танечки такое же кислое выражение лица, как у свёкров и мужа. Как она под них подстроилась! Инна Леонидовна ругала себя за такое отношение к племяннице, но обида за Лёшу и Варю не давала успокоиться. Ещё раз оглядела компанию за праздничным столом. Соседи, весёлая пара из дома напротив, оба с Лёшей в школе работают, она преподаёт, он завхозом. Без них вообще бы не свадьба была, а поминки. Царёв тоже молодец. Попал сюда почти случайно, когда заявление подавали, у загса столкнулись. Сказал: «Приду!», думала, пошутил, а вот он. С цветами, с подарком, острит, поёт, вон как с соседом спелись! Юра с соседкой, бывшей учительницей своей, даже проорали частушки весьма фривольного содержания. Так, пора стол обновить. Вылезла, по дороге нажав Варе на плечо: «Сиди, новобрачная!», прихватила пару опустевших салатниц, вернулась с чистыми тарелками, собрала грязные, поставила в центр стола жаркое, накинула шаль и пошла на улицу, водителя Царёва к столу пригласить. Вслед за ней вышел Лёша: «Ин, я добегу!», но тут звонок с незнакомого номера. Представился: «Шеметов!» Ещё соображать пришлось усталой головой, кто это. А, Иван Иванович! Объяснила, что семейное торжество, что никак не может сейчас ехать в по-

лицию. «А мне как раз вы оба с братом нужны. Сейчас поведем!» Передала трубку Лёше, пусть объясняет, как до них добраться, а сама повела водителя к столу.

Уже перекусил и ушёл дремать шофёр, уже выставили пару новых салатов и рыбу, а Инна Леонидовна переставила стул и приобняла Варю, запев: «Зачем, зачем...», и невестка подхватила сильным контральто: «...зачем произнесли вы это имя!», когда на пороге появились двое: Шеметов с большущим букетом и второй, мелкий, помнится, Беляков его фамилия, тот, что по поводу нападения на Мильчикову допрашивал. Неприятно царапнуло душу воспоминание, но вскочила, усадила на заранее приготовленные места, подложила закуску, поставила в вазу цветы.

Нормально новые гости влились в компанию, выпили, закусили, поздравили, поговорили, но потом Иван Иванович, посерьёзнев, сказал:

– Ну, не ко времени, но должен я о неприятном сказать. В последнее время никто на вас не покушался?

– Как же! И на Алексея Ивановича покушались, и на тётю Инну покушались, – сказал Юра.

– Когда на Алексея Ивановича?!

Они оказались не в курсе! Не в нашем районе, видите ли! Ну, ладно, поставили их в известность. Но они не знали и о том, что её чуть машиной не переехали! А это уж вообще ни в какие ворота! Иван Иванович выскочил из стола и ушёл на кухню звонить в ГИБДД и в Новогорск. Вернулся злой, но

довольный:

– Ладно, я им сказал, какую машину проверить надо. У них даже образец краски есть, она слегка столб чиркнула и на ботинке след оставила. И понятно, почему в Новогорске на Алексея Ивановича напали.

– Почему?

– А вы вспомните, куда вы из гостиницы направлялись.

– Да не помню я!

– Даю подсказку: у вас в Новогорске родственников не было?

Алексей Иванович ответил:

– Откуда?

– Так. А Игорь Иванович Лопухин вам знаком?

– Игорь? Он что, в Новогорске живёт?

– Жил. Два года назад перебрался в Энск.

– Не помню. Вы думаете, я узнал, что Игорь там жил, и пошёл его разыскивать?

– У вас в памяти никаких Новогорских впечатлений не осталось?

– Да. Почему-то помню, что иду от остановки по холму. Всё время вверх... а вокруг пятиэтажки окнами горят. А на самом верху холма два высоких дома... не то девять этажей, не то больше. Стены жёлтого кирпича. Мне даже снилось это несколько раз.

– А дальше?

– Всё.

Шеметов протянул ему свой телефон: «Листайте, это виды города, сейчас из Новогорска прислали!». Алексей Иванович быстро просмотрел фотографии и сказал:

– Точно! Те дома, только с другой стороны! Значит, я Игоря искал? Начисто память отбило!

– Он жил в одном из этих высоких домов. Элитное жильё, между прочим, Газпром строил по эстонскому проекту. А почему вы его искать решили?

Лёша, вспомни, может, кто-то из участников конференции об Игоре тебе сказал? – вмешалась Инна Леонидовна. – Господи, как он появится, так непременно что-то гадкое случится!

– Вы с ним давно не виделись?

– Десять лет.

– А вы, Алексей Иванович?

– Да... столько же. Он приезжал ко мне вскоре после похорон тёти Маши. Какой-то у нас тяжёлый разговор вышел. Сказал, что Инна его выгнала... за что, Инна? Я тогда не спросил...

– Была причина. Потом расскажу.

– Ну вот, он сидел, жаловался на тяжёлые обстоятельства, говорил, что только мы у него родные... потом Варя нас разогнала, время позднее было. Утром уехал.

– Я так понимаю, что любви особой у вас к нему не было? Тогда скажу, хоть и не к празднику такие новости: полгода назад его убили.

Инна вскрикнула и закрыла лицо руками. Брат подошёл и обнял её за плечи. Варя взяла её за руки и бормотала какие-то успокаивающие слова. А она, всхлипывая, тихо отвечала: «Ну, отрезанный ломоть... столько всего плохого... но ведь родной!» Потом Алексей Иванович разогнулся и сказал:

– Подождите... значит, на нас покушались какие-то подельники Игоря? Что им надо от нас?

– Это не подельники. Это родственники. Им нужно наследство Игоря Лопухина.

– Но у нас нет других родственников!

– Это у вас нет. А у него были. По отцу. Такие же троюродные, то есть наследники по представлению третьей степени родства. Корзуны.

– Рома пытался меня убить?!

– Нет. Боюсь, что он даже не знал о наследстве. Дядя Романа и Мильчикова от имени мужа подали заявление о вступлении в наследство, но я предполагаю, что они не только скрыли наличие родственников со стороны матери, но и Роману о размере наследстве не сказали.

– А что, большое наследство? – оживилась Танечка.

– Очень значительное. Даже если поделить по закону на четверых. Но их жаба душила, и они решили поделить на двоих. Помните, как Роман после похорон вам начал что-то рассказывать, а Раиса Михайловна кинулась на вас фурией? Она побоялась, что вы узнаете о смерти Игоря. Должен вас

предупредить, что картина нам ясна, а вот доказательств, что Корзуны – преступники, мы пока не имеем. Единственное, что можно доказать – наезд. И то, отмажется, что неумышленный.

Иван Иванович изложил картину цепочки преступлений, как он её увидел. Предположительно все они совершены двоюродным братом Романа, но самое первое по времени, покушение на убийство Алексея Пинегина, не могло быть совершено в одиночку. Кто был подельником, отец или кто-то другой, теперь, после того, как он дал Новогорским полицейским наводку на конкретного подозреваемого, можно будет попытаться установить. Мильчикову ударил наверняка тоже он. Наверное, его жаба призывала вообще не делиться. А жаба этой бабы даже под страхом смерти не дала ей выдать полиции своего убийцу, и она указала на ту, которую ненавидела сильнее – на Инну Леонидовну.

– Инна, я же вообще ни о чём не знал, – воскликнул Алексей Иванович. – Тебя в убийстве обвиняли, машиной сбивали, мостик к дому подпилили, а ты ничего не рассказала мне! Юрка, тихушник, из-под машины тебя вытащил – и не сказал!

– Мы решили, что не стоит вас волновать, – ответил Юра. – А про остальное я тоже не знал. Если бы знал, я бы вообще тётю Инну куда-нибудь далеко увёз и спрятал!

– А что с Мильчиковой сейчас?

– Нервный срыв. К ней пока не пускают. Там вообще всё

очень серьёзно. Похоже, травма головы привела к серьёзным последствиям. Уже тогда, когда она Инну Леонидовну обвинила, надо было понять, что она ненормальная. Понимаете, богатство поманило и страх возник его лишиться, плюс травма, плюс климактерический период, плюс от природы некая маниакальность.

– Обидно будет, если наследство достанется убийце, – сказала Танечка. – А вам, наверное, надо обращаться к нотариусу с заявлением о наследстве?

– Да, и срочно, – кивнул Иван Иванович. – Полгода через неделю истекают. Жаль, что ваш родственник не оставил завещания.

– Мне он оставил какую-то бумагу, – вдруг вспомнил Алексей Иванович. – Тогда, десять лет назад, он оставил конверт, на котором написал: «Вскрыть в случае моей смерти». Сказал, Инне всё оставит. И мне немножко. Надо поискать конверт.

– Давайте, ищите, – подскочил Беляков. – Вот класс будет, если Корзуны обломаются!

Через пять минут хозяин дома вернулся расстроенный:

– Нет! Он у меня лежал в коробочке, где все документы. Варя, ты не видела?

– Я никогда туда не заглядываю.

– Поищите ещё, – стал уговаривать Беляков. – Такая тема! Это же миллионы!

– Понимаете, я педант. Если что куда кладу, никогда не

перекладываю. У меня всякой вещи своё место. Если нет, значит, пропало.

– Это точно, Лёшка у меня аккуратист, – подтвердила Варя.

А Инна Леонидовна сказала:

– Юрочка, пойдём, ты мне на кухне поможешь.

Он начал вставать, но потом махнул рукой и сел:

– Ладно, тётя Инна, ты поняла, да? Чего уж скрывать, мы его выкинули!

– Как выкинули? Зачем?

– И ничего подобного, – сказала Танечка.

– Да ладно, Тань, зачем мучиться, надо сознаваться. Не знаю, зачем, но Танька в ту коробочку влезла и конверт этот увидела. И решила, что Алексей Иванович... ну... к смерти готовится.

– К самоубийству, что ли? – удивился Алексей Иванович.

– Ну да, или болезнь у вас какая... мы ж дурачки были... Танька тогда в одиннадцатом классе, а я в восьмом...

– Преданья старины глубокой, – засмеялся Алексей Иванович.

– Вы своими руками порвали завещание, дававшее богатство вашей семье? – ахнула Танина свекровь.

– Никакое это было не завещание. Короткая записка. Дурацкая.

– Что там было написано?

– Не помню. Дурацкие какие-то слова. Дразнилка ка-

кая-то.

– Блин, а я так надеялся, что этот упырь пролетит мимо денег, – ударил кулаком по ладони левой руки Беляков.

– Ладно, давайте за стол. Наливайте от стресса, – скомандовала Варя.

Выпили, загомонили. Царёв пересел на диван и заговорил с Юрой. Полицейские вышли на крыльцо покурить. Вслед за ними подались Царёв с Юрой. «Этот-то куда? Неужели курить начал?», – подумала Инна Леонидовна, но сдержалась и не полетела вслед проконтролировать. Зато вышел за ними некурящий Алексей Иванович. Потом приоткрыл дверь и кивнул соседу: «Санёк, выйди». Танина свекровь недовольно сказала:

– Выпивают, что ли?

– Ой, будто здесь не наливают, – отмахнулась соседка.

В дверь снова Алексей Иванович заглянул:

– Варя, мы отъедем минут на сорок, не волнуйся.

– Куда выпивши за руль!

– Мы с Сергеичем, у него водила трезвый!

Женщины выбрались к окну и наблюдали, как мужики залезают в царёвский джип. Потом Варина сватья всё так же недовольно сказала:

– Ну конечно, пить отправились, зачем же ещё.

– Да нет, наверное, сюрприз готовят. Давайте споём, – предложила Варя.

– А мы тебе колыбельную, молодая мамаша! Инна, подпе-

вай! «Ходит дрёма тихо-тихо, выходи из хаты, лихо! Хватит ходикам стучать! Хватит филину кричать...»

– «Домовой, не ходи и хозяев не буди», – подхватила Инна Леонидовна.

Когда джип остановился у палисадника, они уже всё со стола убрали, посуду перемыли, снова стол накрыли. Мужики посыпались из машины, громко и радостно переговариваясь.

– Правда, что ли, хватанули, – озаботилась соседка.

– Я же говорила, – начала Танина свекровь.

Но вошедший первым сосед Саня завопил:

– Ну всё, девчонки, поить нас – не перепоить! Мы к вам с подарком!

За ним шёл Юра и радостно махал каким-то голубым свёртком:

– Мам, тётъ Инна, Сергей Сергеевич – гений! А я тоже ничего! Тань, я нашу вино испуил!

– Какую ещё вино, – пробурчала недовольная Танечка.

– Я текст записки восстановил! Вот оно, завещание!

– За это надо выпить, – лихо закидывая шапку на вешалку, сказал Алексей Иванович. – Да, а завещание куда?

– Вам, – пристраивая свою куртку рядом, ответил Шеметов. – Я в Новогорск уже позвонил. В понедельник полиция к нотариусу обратится, а он всех претендующих на наследство пригласит. Я вам тогда позвоню, когда ехать.

– Давайте, выкладывайте, что вы там раздобыли, – сказала

Варя.

– Э, нет, сначала вздрогнем, – потёр руки Алексей Иванович.

– Да, за это пить надо много и с удовольствием, – радостно сказал Беляков.

Выпили и набросились на закуску.

– Инна, они нарочно издеваются, – сказала Варя. – Лёшка, я тебя побью!

– Ладно, хватит радоваться! Будущий юрист, огласи завещание!

Юра раскрутил эту голубую штуку, которая оказалась старым школьным пластмассовым пеналом, достал оттуда бумагу и забормотал:

– Завещание. Город Новогорск. Двадцатое июня две тысячи первого года. Я, Лопухин Игорь Иванович, проживающий в городе Новогорске по улице Фестивальной, в доме 23, квартира 7, настоящим завещанием делаю следующее распоряжение. Первое. Из принадлежащего мне имущества: квартира 7 в доме номер 23, находящуюся по улице Фестивальной в городе Новогорск я завещаю родственнику – Пинегину Алексею Ивановичу. Ему же я завещаю денежный вклад номер такой-то с причитающимися процентами и компенсациями, хранящийся в филиале номер такой-то Новогорскоблкомбанка в городе Новогорск по счету такому-то. Второе. Всё остальное имущество, какое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в чём бы таковое ни заклю-

чалось и где бы ни находилось, я завещаю родственнице Кожевниковой Инне Леонидовне. Ну, и так далее: ему, мол, всё разъяснено, им подписано и где хранятся эти экземпляры. Во!

И снова все загомонили. Юра рассказывал, как Сергей Сергеевич у него выпытывал, какие слова из записки он запомнил. А самыми главными он назвал «карандаши» и «штаб». Они съездили на конюшню, взяв с собой складную пятиметровую лестницу. Алексей Иванович показал, где у них под крышей тайники были, они лестницу переставляли, а Беляков как представитель закона залезал и искал. Этот пенал оказался в их «штабном сейфе» – за вынимающимся кирпичом над словом «карандаши».

– Инна, он сначала завещание в конюшне спрятал, а потом ко мне пришёл. Вот скажи, зачем? Не мог просто завещание мне на хранение отдать?

Инна Леонидовна грустно усмехнулась:

– Мальчики в войнушку не наигрались. Вы ведь с удовольствием эту загадку разгадывали и в конюшню поехали? А уж поиски – вообще кайф, не так ли? Вот и Игорь вам эту загадку загадывал и наслаждался.

– Ну да, такие загадки нам в кайф, – подтвердил Иван Иванович. – Мы с коллегой обычно чем занимаемся? Протокол пишем: гражданин Иванов, будучи в нетрезвом состоянии и находясь в квартире потерпевшей гражданки Петровой, обвинил её в том, что она в одиночку выпила алкоголь, остав-

ленный на опохмел им обоим, и нанёс ей в область печени удар кулаком...

– ... в ответ на что гражданка Петрова нанесла гражданину Иванову удар чугунной сковородой по голове, – вздохнул Беляков.

– И большое счастье, если череп гражданина Иванова выдержал этот удар!

– А может, и наоборот, – мрачно возразил Беляков. – Может, большое несчастье и для гражданки Ивановой, и для их детей, что эта пьяная рожа отлежится в больничке и вернётся к родным и близким дратья, тащить из дома деньги и имущество, а потом ещё и блудить с гражданкой Петровой, от которой можно принести в дом какую-нибудь инфекцию, обозначенную в протоколе как ЗППП. Может, счастье – это порыдать всласть над его могилкой и обрести покой, да ещё и пенсию по потере кормильца.

– Заметьте, это нехорошо – так говорить! Но думать так не запретишь. И согласитесь, что расследование этого преступления века не предполагает ни индукции, ни дедукции, ни красивой игры ума. А тут Сергей Сергеич дедукцией блеснул, Юра память напярэг, Алексей Иванович детство вспомнил, Беляков нормы ГТО освежил, да и мы с Саньком лестницу подержали и всласть накомандовались. И никому при этом сковородой по голове не досталось.

– Но Рому-то убили. Да и Лёше досталось, – возразила Инна Леонидовна.

– Не возражишь. Будем надеяться, что злодеи получат по заслугам. А поглядеть на их рожи, когда они узнают, что ничего не получают, я бы очень хотел.

– А что Инна Леонидовна получит? Почему в завещании не написано? – поинтересовалась Танина свекровь.

– Там богатства до хренища... ой, пардон! Словом, хватит всем. То, что Алексею Ивановичу досталось – меньшая часть.

– А почему меньше? – вырвалось у Танечки.

– А потому что на Инне родня всю жизнь ездила, – ответила Варя. – Бабушку этого Игоря парализованной кто забрал? Её тётя Маша и Инна забрали и десять лет за ней ухаживали. Когда земля у него под ногами горела, к кому он прибежал? К Инне он прибежал! И плевать ему было, что тётя Маша уже почти не ходила, а Инна была после потери ребёнка. Я больше чем уверена, что он ни копейки им не дал, а они его больше месяца кормили!

Инна, сидевшая за столом, облокотившись на руку и глядя вниз, сказала, без улыбки подняв глаза на Варю:

– Ох, Варя, светлая ты душа! Ты решила, что Игорь из благодарности нам своё имущество оставил! А я так думаю, что у нотариуса либо другое завещание уже лежит, либо это аннулировано. А если не аннулировано, то просто не успел или забыл. И ещё... я думаю, что тогда, десять лет назад, то, что в завещании перечислено, это всё, что у него было. Такой юмор своеобразный. А самое главное – это то, что нажил он

эти богатства преступным путём. Как бы нам не замараться!

– Ну, вот что, – сказал строго Иван Иванович. – У неё ведь хватит ума отказаться. Родственники, призываю вас действовать по закону! Получите и решите, как распорядиться. Инна Леонидовна, может быть, вы кому-то поможете этими, как вы говорите, неправедными средствами, может, кто-то вас облапошит. Но я уверен, что если деньги вам достанутся, то распорядитесь вы ими лучше, чем Корзуны, государственные чиновники, служащие благотворительного фонда или ещё кто, кому вы там эти средства отдать захотите.

Глава одиннадцатая

Управляющую компанию Инна Леонидовна нашла быстро. Но кабинет участковых был закрыт. Некоторое время она топталась у дверей, потом толкнулась в соседний кабинет. «Не знаю, звоните!», – последовал рык на её робкий вопрос. Она в испуге и недоумении вылетела в коридор, ещё раз посмотрела на дверь кабинета, и только тогда обратила внимание на номера телефонов участковых. Получила указание: «Ждите у квартиры!»

Дом оказался недалеко. И дверь в квартиру приметная. В смысле, солидная, но почти полностью исписанная. Кто-то явно пытался надписи затереть, но не очень преуспел. Зато, как ни странно, пломбу никто не сорвал. Инна Леонидовна немного постояла, пытаясь прочесть послания аборигенов, потом устала и отошла к перилам. Невыносимо хотелось присесть, ныло колено, но выйти из подъезда и отдохнуть на скамейке она не решалась.

Тут мелькнуло что-то в поле зрения. Подняла голову. А, это дверь слева оказалась приоткрытой. Поняв, что замечена, соседка приоткрыла дверь пошире:

– Вы что-то хотели?

– Я жду участкового, – ответила она.

– А! Я вас знаю! Вы сестра Игоря!

Инна Леонидовна удивилась:

– Не очень-то мы похожи. Как вы угадали?

– Я видела вашу фотографию.

Соседка вышла на площадку и представилась:

– Я Лидия. Мы с Игорем были друзьями.

Н-да, хотела бы она познакомиться хоть с одним другом Игоря. Приятелей-то при таком обаянии у него было предостаточно. А вот дружить с этим бессовестным человеком – это кем же надо самому быть? Насчёт любопытствующей дамы всё понятно: лет ей в районе шестидесяти, если по имени представилась женщине, которая чуть не на поколение моложе, значит, ещё не сорвала с себя ценник ярмарки невест. Наверняка строила соседу глазки, а он, не будь дурак, припахал её для каких-то своих целей. Например, если так бдит за происходящим в подъезде, значит, Игорю докладывала обо всех посетителях. Может, ещё что по мелочи: прибраться, кому-то что-то передать.

– Вас ведь Инной зовут?

Вот те нате! В самом деле узнала. И фотографию, значит, видела?

– Да, я сестра Игоря. Троюродная. Мы не виделись десять лет. Не переписывались. Откуда у него моя фотография?

– Это старая фотография. Вы там ещё девочка.

Инна Леонидовна засмеялась:

– Ну, на старых фотографиях я сама себя с трудом узнаю. Как говорится, это было, когда меня было вдвое меньше, да и фамилия моя была наполовину короче.

– Ну, не всем, конечно, удаётся сохранить фигуру, – при этом Лидия скромно потупила взгляд. – Тем не менее, взгляните вы не старше своих сорока трёх лет.

Однако она и это знает! Значит, в самом деле конфидентка. А соседка продолжала любопытствовать:

– Вы наследница? Вступили в права наследования? Вроде бы, у вас ещё один брат был?

– И был, и есть. У Игоря и по отцовской линии есть родня.

– Ну, эти, – соседка презрительно сморщила нос. – Крутился тут его не то брат, не то племянник. Я участковому позвонила, он проверил документы и сказал, что надо приезжать с документами, подтверждающими право собственности. Но полицию я предупредила, что Игорь терпеть не мог этих Корзунов. Я их при Игоре не видела, но сосед рассказывал, как они во времена его детства заграбастали квартиру его покойных родителей. Однако что мы на лестнице стоим? Заходите, чайку по-соседски попьём!

Чая не хотелось, а безумно хотелось присесть. Но участковый...

– Боюсь, не получится. Участковый просил меня дождаться.

– Ничего страшного. Мы ему записку оставим, – Лидия взяла карандаш, лежащий на телефонной полочке, черкнула на отрывном блокноте «Я в 3 кв.» и сунула бумажку в щель между притолокой и дверью. – Пойдёмте же!

Инна Леонидовна поставила сумку у входа и прошла

вслед за хозяйкой на кухню. С удовольствием присела на табурет и вытянула ноги:

– Ох, как же я устала! Спасибо, ничего не хочу, только посидеть!

Лидия чая всё-таки налила, и сушки поставила. Инна Леонидовна попросила рассказать о брате, с которым не виделась много лет. Знала соседка многих его знакомых, но чисто визуально. Что на самом деле связывало Игоря с этими людьми, она сказать не могла. Она и о делах его ничего не знала. Говорила, предприниматель.

Журчал ручейком манерный голосок Лидии, а содержание её речей уже почти не откладывалось в сознании Инны Леонидовны. Всё равно это было больше о ней, чем о соседе: «Игорь очень ценил моё мнение... представьте, он был в восторге от моей придумки... всегда говорил, что отдаёт должное моему вкусу». Наконец звонок! Полицейский выразил недовольство, что не дождалась его у дверей! Инна Леонидовна промолчала, но Лидия возмутилась: «Да она минут сорок вас ждёт уже! За это время ноги отвалятся стоять тут». Он в ответ: «У меня тысяча дел!» «Значит, надо было другое время назначать». Потом он просмотрел документы, вынул из своей папки ключи, сорвал пломбу и открыл дверь квартиры Игоря. Инна Леонидовна вошла, из прихожей оглядела квартиру: стандартная двухкомнатная, рационально обставленная, все поверхности покрыты пылью, видно, что много месяцев сюда не ступала нога человека. Расписалась в бума-

гах, поданных на папке полицейским, сказала: «Спасибо», приняла ключи. Он увидел, что новая хозяйка не собирается его в дом приглашать и разговоры вести и разочарованно произнёс:

– Тут ещё сейф. Его никто не открывал.

– Я в курсе, – ответила она.

Ушёл наконец участковый, ушла соседка, набивавшаяся помочь, и Инна Леонидовна схватилась за пылесос.

Несколько дней понадобилось, чтобы оформить собственность. А потом стала разыскивать знакомых Игоря. Тут Лидия была ей не помощницей. Сунулась она в полицию, потом в следственный комитет, но, видя её нерешительное поведение, всякий её отшивал. Пришлось позвонить Царёву. Он ответил, что у него в этом городе знакомых вовсе нет, но он найдёт какое-нибудь влиятельное лицо, которое обяжет их помочь ей. Инна Леонидовна не очень надеялась, но уже через пару часов позвонила ей некая дама, представившись помощницей какого-то невнятного депутата и сказала, что в три часа в понедельник её может принять следователь Девятъяров.

Этот следователь, небольшого росточка лысоватенький, пузатенький мужик в возрасте под полтинник с недовольным выражением лица выслушал её лепет о том, что она должна знать, в чём виноват её родственник, и чем она может исправить зло, причинённое им, сказал:

– Не очень понял. Но ладно, давайте я вам дам материалы

прессы, потом побеседуем. Компьютером пользоваться умеете?

Он усадил её за второй рабочий стол кабинета и открыл компьютер. Тексты были чудовищные. Одна статья была подписана Лопухиной, другая – Витецким. Когда она дочитала вторую статью до конца, он со вздохом налил стакан воды и протянул ей:

– Ну? Вы поняли?

– Мы с Лёшей всегда знали, что Игорь нехороший человек. Это бабушки и тёти его обожали. Даже бабушка Вера с её острым взглядом и точным расчётом до самой смерти от иллюзий не избавилась. Но, может быть, я могу реализовать наследство и возместить этим женщинам их потери?

– О, господи! Закройте дверь, я занят, – рыкнул он. Инна Леонидовна услышала хлопок двери и поняла, что первое восклицание обращено в пространство, а второе – в приоткрывшуюся дверь. – Вы знаете, почему Робин Гуд грабил богатых? Потому что с бедных не фиг взять! Этим дамочкам их материальные потери – тьфу! Лопухин ведь почти со всеми умудрился расстаться на позитивной ноте. Они оплакивали утраченную любовь, но не имущество. За них расплачивались отцы, мужья, в некоторых случаях другие родственники. Если вы сунетесь к этим родственникам, то всколыхнёте такое болото, поднимется в воздух такой сероводород! Лучше не лезьте! Родственники лишатся покоя, а дамы – иллюзий!

– Что же делать?

– Да ничего. Убили вашего родственника, можно сказать, случайно. Вот Дуня Лопухина, – он ткнул пальцем в компьютер. – Она подразнила его этой публикацией, а на следующий день оказалась убитой. Да не ахайте вы, он к убийству отношения не имел. Там чисто бабья месть. А он полез в редакцию, чтобы материал стащить. И там его путь пересёкся с интересом ещё одного фигуранта, который материал по своему делу разыскивал. В общем, скажу вам так: то, чем занимался Лопухин, называется мошенничеством на доверии. Начинал он свой творческий путь в Уремовске, причём удачно, пока не на ту нарвался, и некоторое время скрывался. Потом выплыл, заплатил отступного или договорился как-то и перебрался в Новогорск, потому что область побольше и лохушек соответственно. Лет десять назад он снова нарвался, на этот раз сам в сети попал, и пришлось ему дальше работать на хозяина. Схема там была почти беспроектная, ему давали полное досье, а он даму окучивал. Получал свой процент и отчаливал. Ни тебе тёрка с родственниками, ни трудностей при реализации недвижимости. Но обидно, понимаешь: вольного стрелка на номера поставили! В общем, два года назад их фирму разгромил один обиженный козырной туз. Причём Лопухин остался не при делах. Быстренько перебрался к нам, даже квартиру продавать не стал. Тамошний профайлер, каких модно сейчас в полиции держать, мне сказал, что недоказуемо, но очень может быть, что... э-э...

– ... что Игорь этому большому человеку своих сдал? Это на него похоже.

– Ну вот, всё вы понимаете! И вот парадокс: начал он в нашем городе карьеру вольного стрелка, а уже не прёт! Привык к размаху. И стал он здесь по старой схеме собственную фирму создавать. Ну, вы читали...

– Поняла. Капитан Т. и прочие его подельники.

– Вот-вот. Так что остановитесь! Не всё в этом деле устояновлено. Ещё не хватало вам за его дела пострадать.

– Уже.

Он выслушал её рассказ, ероша с досадой свои редёющие волосы:

– Блин, сколько же от этого Лопухина дерьма летит во все стороны... простите! Есть такая пословица: не тронь г..., а дальше вы знаете. Так вот, не троньте!

– Не сердитесь, я просто хотела узнать, как далеко он зашёл. Теперь знаю, что далеко. Но, извините, остался у меня ещё один вопрос... соседка рассказала, что была у Игоря одна женщина...

– Одна, – засмеялся Девятьяров.

– Беременной была одна, и было это больше года назад. Скандал в квартире был шумный.

– Тьфу ты, господи! Любят наши женщины бразильские сериалы: внебрачный ребёнок, любовница со стукнутой головой и амнезией, поэтому не помнит, кому дала...

– Всё равно, я должна знать! У нас в роду детей не бро-

сают!

– Это вам Лидочка сказала, губки бантиком? Небось, сгрузила сорок бочек арестантов, а конкретики ноль? Я с ней один раз пообщался и чуть не убил. Полицейские её пытались разговорить, потом мне высказали: это не допрос, это общегородской съезд крыш! Ладно, посмотрю я дело, выберу его знакомых. Но, насколько я помню, ни у кого из них маленьких детей нет. Так что если была беременная, то какая-нибудь левая, не из объектов охоты. На охоте он дичи сразу представлялся женатым.

– Игорь был женат?!

– Ну да, Дуня Лопухина, та, что убита за день до него, зам редактора «Губернской молодёжи» – его жена.

– Мне даже в голову не пришло, что Игорь может жениться. Он всегда говорил, что ни жены, ни детей у него никогда не будет. Что, и дети были?

– Ребёнок у Дуни не от него, поженились они лет шесть назад, а Мишке одиннадцать. Всё у мальчишки нормально, он с родным отцом живёт. Да не волнуйтесь вы, брак, похоже, был фиктивный. Сразу после росписи Дуня из Новогорска переехала сюда.

– Но зачем нужен фиктивный брак?

– Точно не знаю, но предполагаю, что Игорю штамп был нужен, чтобы от объектов охоты отбиваться и многоженцем не стать, а Дуне просто фамилия понравилась.

– Какая-то ерунда. Но та женщина, как мне её найти?

– Сами не найдёте. Придётся обратиться к частному детективу. Вы потянете? Ой, простите, вы же у нас богатая наследница. Тогда действуйте!

– Может, вы кого-то посоветуете?

– Как-то у меня с этой публикой не очень... ладно, я вам подскажу информаторов. Они могут посоветовать. Здесь неподалёку находится Дом печати...

– Да, я проезжала эту остановку.

– В этом доме погиб ваш родственник. И Дуня тоже. На втором этаже находится централизованная бухгалтерия. Зам главбуха была знакома с вашим братом. Не близко, просто один раз в общей компании Новый год встречали. Только на меня не ссылайтесь, очень она на меня обижена. А главбух Нина Васильевна – прожжённая такая бухгалтерша, связями обросла как ёж колючками. Они вам и путь поиска подскажут, и детектива порекомендуют. И на романтику они клюнут, не чета мне, цинику. Найти внебрачного младенца без паспортных данных – Голливуд отдыхает! А зайдите вы к ним под предлогом того, что они труп опознавали. Вот вам моя визитка. Если что, звоните, в помощи, если времени много не займёт, я не откажу.

Глава двенадцатая

Инна Леонидовна сама себе удивлялась. Вместе с деньгами Игоря в ней появились его уверенность и хватка. Вот, казалось, что такое для неё визит в бухгалтерию с нелепым предложением обсудить с незнакомыми женщинами брата, которого одна видела только мёртвым, а другая ещё и с живым один раз посидела за праздничным столом? В прежние времена она бы трижды подумала, дважды перекрестилась, да назад бы и повернулась. А тут только выдохнула, постучала и решительно повернула дверную ручку.

В кабинете сидела только одна женщина. Инна Леонидовна вот сразу поняла, что главбух. Ну, вид у неё такой был. У них в горсовете в централизованной бухгалтерии, когда она ещё в детсаде работала, такая главбухша была: ухоженная, самоуверенная, тоже крашеная блондинка. Только причёска у той, утятинской, была не боб с чёлкой, как у этой, а в соответствии с модой поры её молодости другая – «вшивый домик» называлась. Пока решимость не испарилась, сразу взяла быка за рога: мол, явилась она по причине, что её дальний родственник в этом здании погиб. Что разыскивает она его знакомых. И начать решила по обратному отсчёту: с места его гибели. Протараторила она это и замолчала, потому что собеседница, спокойно её разглядывая, рот не открывала. В общем, сдулась. А эта дама усмехнулась и спросила:

– А адресок этот вам, конечно, Дима подсказал? Ну, следовательно, Дмитрий Сергеевич? И не велел о нём говорить? Ну, и не говорите Ларе, а то разговора с ней не будет! А мне надо как на духу, я его хитрости на раз отсекаю! Ну, начинайте от печки, и чтобы со всеми подробностями!

Инна Леонидовна поняла, что с этой женщиной надо начистоту, и изложила всё от печки, то есть начиная с конюшни и заканчивая тем, как отрекомендовал ей этих бухгалтерш следовательно.

– Н-да, правду Дима сказал, Голливуд отдыхает, – начала Нина Васильевна, но тут дверь раскрылась, и в кабинет зашла ещё одна дама в Иннином примерно возрасте, такая же высокая, как Нина Васильевна, но в отличие от корпусной начальницы не слишком ухоженная и очень худая, если не сказать истощённая. Инна Леонидовна после слов следователя о ссоре с этой дамой, подтверждённых главбухшей, предполагала тут какую-то ссору любовников, но представить парой её с тем кругленьким мужичком никак не могла. – Лара, у нас ведь в Доме печати нет ни одной женщины, у которой ребёнку сейчас около года?

– Вроде, никого в декрете. Если из арендаторов, – пожала она плечами. – А в чём дело?

– Вот, слушай...

Это она хорошо придумала: якобы Инна Леонидовна предположила, что Игорь сюда полез, потому что здесь та брошенная дама раньше работала, поэтому за информацией

к ним пришла. Сжато изложила подслушанный Лидией разговор и закончила:

– Ну разве в такое можно поверить?

– А я верю, – вдруг ответила Лара. – Когда, вы говорите, ссора происходила?

– Восемнадцатого декабря позапрошлого года. У Лидии день рождения был, она его пригласить хотела. И поэтому под его дверь оказалась. Врёт, конечно, специально подслушивала.

– Ну вот. Репа тридцать первого декабря сказал, что ему не открыла дверь подружка. Любая баба из тех, кого он оболъщал, ему бы не отказала. А вот та, которую он обидел, могла. Очень на него похоже: выждать почти две недели, чтобы девушка исстрадалась, а потом в новогоднюю ночь внезапно заявиться, напоить, потом секс, кекс, сказать, что жить без неё не может, и ещё раз уговорить сделать аборт. Мол, жена больная, бросить её непорядочно, куда ему второго ребёнка. А она за эти дни перестрадала и решила расстаться. Значит, жила она в районе Октябрьской площади...

– Где вы там встретились, за Вовкиным домом? Значит, подружка где-то там живёт, – сказала Нина Васильевна, открывая карту города.

– Но до этого они с Бычком ловили Белку на галерее торгового центра на Октябрьской площади. Значит, живёт она до Вовкиного дома, а не после. Не обращайтесь внимания, это мы о своём, о девичьем, – сказала Лара, увидев, что у Инны

Леонидовны глаза на лоб полезли. – В ту новогоднюю ночь ваш брат, я и ещё одна молодая пара оказались на улице без компании, объединились и часов до четырёх ходили по домам и дурачились. Хозяева квартир все были его знакомые, не объекты его бизнеса, а обычные граждане. Очень возможно, что кто-то из них знал эту женщину. Значит, надо пройти по этой цепочке.

– Может, у Дмитрия Сергеевича их адреса попросить, – предложила Нина Васильевна.

– Нет, – резко отказала Лара. – А начнём мы с кассирши.

– Может быть, мне нанять частного детектива, – робко предложила Инна Леонидовна.

– Дорого и сомнительно, – отрезала Нина Васильевна. – У нас один такой арендатором на третьем этаже сидит. Пьянь и проходимец. Где мы порядочного найдём? Если уж не выйдет, тогда...

– Но... как я могу... вас затруднять, – заблела она.

– Инночка, это же приключение! Это же не проверки КРУ ожидать! И вообще, хочешь делать хорошо – делай всё сам!

Лара захохотала.

– Значит, так. Рабочий день закончился. Разделимся: вы к кассирше, я к Лидии, – scomандовала Нина Васильевна, доставая из шкафа пальто. – Пока Инночки дома не будет, я к ней в квартиру буду ломиться, вроде, я о смерти Игоря не знаю. Ваша Лидия наверняка на стрёме. Скажу, дочь мою он соблазнил.

– Ой, говорит она много, но всё больше о себе...

– Не волнуйся, Лара знает, как я допрос вести умею!

Вечерний квартирный обход не дал ничего существенного. Хозяева все оказались люди простые, рассказ о желании сестры восстановить последние месяцы жизни брата воспринимали с доверием и сочувствием, только вот сами не знали ничего. Среди них были: айтишник, который чинил Игорю компьютер; зубная врачиха из хорошей государственной больницы, которая делала ему зубы; инженер Ростелекома, который как-то неопределённо сказал, что Игорь иногда обращался к нему, а зачем – пояснять не стал. Инна Леонидовна с горечью сказала:

– Вот, у него никогда не было друзей, всегда только выгода...

– Но они-то, по-моему, все люди неплохие, и помогали ему не из корысти!

– Тем горше...

Утром Инна Леонидовна снова приехала в Дом печати. Нина Васильевна встретила её нервным хихиканьем:

– Как там Дима сказал: «съезд кровли»?

– Крыш, – испуганно покосившись на Лару, поправила она.

– А я у него вчера была, – весело сказала она. – Не будем же мы делать лишнюю работу! Вот, он мне выписал всех знакомых, которые в районе Октябрьской площади проживают. Я тебе карту распечатала, чтобы рационально маршрут

обхода проложить. Дуй по этим адресам, если тоже окажется пустышка, расширим поиск на другие районы города. Да, вчера эта Лидия загадила мне мозги до полного закипания. Но всё-таки один полезный факт я из неё выудила. Игорь называл свою девушку Лаймой.

– Как Вайкуле?

– Ага. Легко запомнить. Спрашивай про Лайму, это всё-таки не Таня и не Маша! Держи в курсе, вечером одна не ездит, после пяти я могу сопровождать!

Три дня Инна Леонидовна моталась по адресам. Дело двигалось медленно, потому что днём многих дома застать не удавалось. Приходилось ещё раз приходить туда вечером. Отработав все адреса, она утром в пятницу вновь пришла в бухгалтерию. На этот раз у её знакомых был посетитель. Пожилой мужчина, сдвинув очки на кончик носа, просматривал какие-то бумаги и расписывался. Бухгалтерши кинулись к ней с расспросами, и она сказала, что адреса отработаны все, но никто из опрошенных дамам Игоря представлен не был. Только один, который работал в фирме по продаже сейфов, когда она назвала имя Лайма, сказал, что один раз видел Игоря с женщиной, которую звали похожим именем, но не Лайма. Не то оно было длиннее, не то короче, словом, не совсем Лайма. Он столкнулся с этой парой в том самом торговом центре на Октябрьской, имя отметил, а внешность не запомнил. Какая-то была она совсем обыкновенная, не молодая и не старая, не красивая и не уродливая. Забыл на-

прочь, вот только имя!

Тут мужчина оторвался от своих бумаг и поинтересовался, кого это они разыскивают. Нина Васильевна секрета делать не стала, объяснила, что разыскивают они девушку покойного брата Инны Леонидовны, но не знают о ней ничего, кроме того, что жила она недалеко от Октябрьской площади и имя её Лайма или как-то похоже на Лайму и должна была примерно год назад родить ребёнка.

– На что-то и я сгожусь, девочки, – сказал он и вытащил из кармана телефон.

И стал звонить. У одного знакомого он спросил, куда могли увезти роженицу, проживающую в этом районе. Тут Нина Васильевна охнула: «Ну, бабы, стыдоба нам!» Потом у другого спросил, есть ли у него выход на роддом номер такой-то и к кому можно обратиться, чтобы проглядеть списки пациенток за несколько месяцев прошлого года. Ещё несколько звонков, и вождеденный номер получен. После этого он сладким голосом сообщил какой-то там Марье Ивановне, что хотел бы написать о ней очерк, ей же воспевав её уникальные руки, способные заставить появиться на свет младенца в любой самой сложной ситуации.

– Так, вы будете списки просматривать, а я нетленку валять. Костика ещё с собой возьмём, он медичек поснимает. Вы, Инна, будете наш специальный корреспондент. Ваша тема – имена. Вас заинтересовал такой вопрос: если у роженицы чудное имя, отыгрывается ли она на своём ребёнке?

– Гениально, – сказала Нина Васильевна. – Баринов, родина тебя не забудет! Прихвати-ка ты вот что.

И выставила коньячную бутылку. Инна Леонидовна хотела возразить, но поняла, что это от всей души и просто сказала:

– Спасибо. Надо будет ещё за закуской заехать. Уж накрывать поляну, так полноценную!

Этот бодрячок с порога обаял главврача роддома Марью Ивановну. Он целовал ей ручки, он умильно заглядывал ей в лицо. И эта совсем, кажется, молодая, но тучная женщина с простым лицом просто таяла в лучах обаяния этого старого ловеласа. А он небрежно махнул в стороны Инны Леонидовны рукой: вот, мол, моя сотрудница у вас бы в архиве покопалась. И столь же небрежно Мария Ивановна махнула своей секретарше: проводи!

Секретарша главврача, кажется недовольная тем, что её послали от такого свежего кавалера, отвела Инну Леонидовну в подвал, буркнула девчонке, сидящей под подвальным окном за старым канцелярским столом: «Мариванна велела», и быстренько смылась. Девчонка, спросив, что ей нужно, возмутилась, зачем за текущим материалом бестолковые люди прутся в архив.

– Мне что, назад к Марье Ивановне, – растерянно пролепетала Инна Леонидовна, судорожно вспоминая, как её вели по лестницам и коридорам, и в какую сторону поворачивать. Девчонка нехотя встала и повела её по подвальным лаби-

ринтам, потом по лестнице, потом по коридору, потом снова по лестнице и привела практически в то же место, только другим путём. Это был кабинет напротив приёмной главврача, тесный и заставленный стеллажами, на которых стояли истории болезни. Сидела за столом со стопкой документов медсестра постарше, стояли прислонившись к стеллажам две молоденьких сестрички. Все они не очень обрадовались посетительнице, прервавший их интересный разговор, едва ли относящийся к вопросам родовспоможения. Инна Леонидовна перекинула из руки в руку тяжёлый пакет с продуктами и сказала. – Слушайте, а не попить ли нам чая, – и вытащила коробку конфет.

Тема, которую она им изложила за чаепитием, вызвала оживление. Они пытались повторить имена рожениц из Средней Азии и одной африканской студентки местного университета, потом посмеялись, вспомнив несколько случаев двойных имён, которые придумали одурманенные собственными гормонами роженицы, потом одна из них рассказала, что сестру её бабушки родители решили назвать Славой, Вячеславой, а в загс отправили с документами бабулю. Бабуля по дороге имя забыла и сказала регистраторше с досадой: «Помню, что Славка. Славдия, что ли». Так её и записали.

Оказалось, что истории болезни просматривать не надо, достаточно пролистать амбарную книгу, куда записывали рожениц при поступлении. Регистратор читала имена рожениц,

а Инна Леонидовна их записывала в блокнот. Список получился не очень большой. Среди апрельских рожениц прозвучало имя, вызвавшее у Инны Леонидовны сердцебиение:

– ЛаУма!

– Не ЛаУма, а Лаума. У краткое, – поправила её молоденькая акушерка. – Я помню эту женщину. Лаума Лаце. Она сама русская, но по документам латышка, потому что отец у неё был латыш. Лаума – значит фея. А дочку назвала Наташей.

Ещё примерно за месяц список проглядели, а потом Инна Леонидовна заявила:

– Ну, достаточно! Девочки, как я вам благодарна!

– Да бросьте, – сказала внучатая племянница Славдии. – Вам спасибо. Мы насмеялись от души. И гримза наша раза три заглядывала, а разогнать нас побоялась: всё-таки вы здесь по указу императрицы!

По адресу дверь никто не открыл. Баринов Инну Леонидовну успокоил:

– Мало ли, гуляет или в гостях, в магазине, на даче, в поликлинике. Завтра выходной, с утра нагрянете! Но материал по именам с вас, не отвертитесь! Даром, что ли, я роддом навестил! Правда, об этой Марье Ивановне я тоже напишу. Профессия у неё святая, и сама она человек интересный.

Глава тринадцатая

Варя звонила каждый день и жалобно просила вернуться в Утятин. Но Инна Леонидовна вдруг поняла, что возвращаться ей не надо. И прошлую жизнь вспоминать не хотелось. Глупое её замужество, неудавшееся материнство, последовавшая за ней нищая одинокая жизнь... а хорошее что-то было? Вот пришло в русский язык такое выражение – чайлдфри. Большинство эту позицию осуждают. И она вроде бы осуждала. Но, оказывается, она душой кривила, и не только перед другими, но и перед собой. Это у неё был страх не перед повторением болезни ребёнка, а перед материнством вообще. Ведь брала она ребятишек Вари, когда они были маленькими, если в этом была необходимость. Но всегда знала, что это ненадолго: на выходные, на время болезни Вари или карантина в детском саду. Она искренне привязалась к детям, считая их роднёй. А через много лет дети выросли и отдалились. Не только от неё, они и к матери стали холоднее относиться, и к отчиму. За Лёшу особенно обидно. Нет, Юра, конечно, ближе, но это пока у него своей семьи не появилось. После всех этих событий она наконец задумалась: а так ли надо жить? Вот бабушка Вера создавала свою семейную империю: пускай в конюшне, но вместе! Жить по единым правилам! Помогать родным! И первым её родной внук эти правила похерил.

Остаться в Утятине – значит навсегда остаться в детских проблемах. Через месяц с небольшим, а может, и раньше появится дочь у Лёши. Конечно, живут они не близко, но быть ей на подхвате. Так и Копыловы её уже в свои проблемы включили. Чуть дочка Дашина засопела – стук в окно. В детскую консультацию на приём надо: «Тётя Инна, вы со мной сходите?» Вообще Дашка в роли матери нравится ей очень. Выполняет все врачебные предписания, читает статьи в интернете, порядок в доме идеальный, как при покойных бабушке и дедушке. Валет балдеет от своих девочек. Не курит и не пьёт. Сколько продержится эта идиллия – неизвестно, хочется надеяться, что навсегда. Но как-то нечестно, что никто не думает о том, что у неё могут быть свои интересы.

Вот привяжется она к ним, а через годы придёт к тому, что никому не нужна. Так лучше любить их в отдалении и не рвать потом сердце, оказавшись в одиночестве.

И она твёрдо решила: жить будет здесь. В Москве или Подмосковье, но ближе к тому, что ей нравится: театры! Она приехала в гости к Тамаре Афанасьевне, бывшему их режиссёру. Та встретила её с радостью, но ночевала Инна Леонидовна у неё только одну ночь. С ней даже родной сын не ужился, отселив мать в добрачную квартиру жены, как только она смогла ходить. Прокуренная квартира, громоподобный голос, вечный кашель – и кто бы вытерпел? К счастью, в этом же подъезде сдавалась квартира, и она сняла её на месяц. Каждый вечер отправлялась в театр, один раз

прихватила с собой Тамару Афанасьевну. Ну и натерпелась же! На едкие комментарии старухи оборачивались ближай-шие пять рядов! Но именно этого ей не хватало в последний год...

Вот тогда, выйдя из театра, она поняла: ей не столько интересно смотреть на конечный продукт творчества, как присутствовать при его создании. Репетиции – вот что ей нравится больше всего. Слушать одну фразу, бесконечно повторяемую и понимать: опять не то! А потом осеняет: «Ну нельзя говорить такие слова в лицо и на крике! Их говорят самому себе и осипшим голосом!»

Решено! Билетёршей, гардеробщицей, но в театр! Она теперь не нуждается в деньгах, поэтому может себе позволить получать минималку, зато на законных основаниях забиться в угол и наблюдать, как рождается спектакль.

Оставалось решить один вопрос. Увы, это опять было связано с младенцем. Тогда она, попав наконец в жильё Лаумы, ни её, ни дочери не обнаружила. В квартире разбирала вещи тётка Лаумы. Она и пустила Инну Леонидовну только потому что приняла её за покупательницу. Оказалось, что молодая мать тяжело заболела и за несколько недель сгорела. Перед смертью она просила тётку не оставлять малышку, но та ещё при жизни матери нашла для девочки богатых приёмных родителей. То, с какой скоростью было оформлено удочерение, выписан из квартиры малолетний ребёнок, являющийся собственником жилья, переоформлена собствен-

ность на тётку, вызывало большие подозрения, и Инна Леонидовна потребовала адрес приёмных родителей. Тётка не испугалась и выставила её из дома.

Несмотря на выходной, в Доме печати были люди. Прилетела из дома живущая напротив Лара и организовала, как она это назвала, «концертную бригаду», куда вошла она сама, фотокор Костик, оператор и ведущая из телерадиокомпании. Они с грохотом разгрузились во дворе и попытались проникнуть в квартиру. Когда им не открыли, вышли во двор и стали снимать квартиру через окно, благо первый этаж. Тётка вызвала полицию, но ведущая козырнула законом о СМИ. Тут ещё соседи подтянулись, некоторые подтвердили сомнения по поводу собственника квартиры. В результате полиция, которая явно что-то знала, пригласила заинтересованные лица пройти в квартиру и разобраться. Тётка трясла некоторыми документами, но в руки давала только полицейским. Полицейские развели руками: всё законно.

Пришлось им уезжать ни с чем. Инна Леонидовна была в отчаянии, но Лара сказала: «Ребята дело своё знают». Оказалось, что и Костик, и оператор смогли тайком, вроде как ненароком, документы эти заснять. Таким образом выяснилось, что Наташа носит теперь простую именную фамилию Денисова. А приёмный отец её, действительно, человек богатый. Лара разыскала его в интернете и покачала головой: к этому просто так не попасть. Телевизионщики снабдили её телефоном бывшей своей сотрудницы Вероники, которая

недавно перебралась в столицу и работала на канале «Культура» кем-то незначительным, но могла помочь информационно.

Теперь Инна Леонидовна упрямо ожидала, когда её примет большой человек Максим Ильич Денисов. Но он пока не принимал. В стеклянный небоскрёб, принадлежащий его холдингу, её не допустили. Тогда она написала ему письмо. На бумаге, чего давно уже никто не делает. Она и сама уже забыла, когда писала письмо. Очень долго мучилась, как обратиться. Уважаемый? А вот не факт. Писала, зачёркивала, обводила зачёркнутое, снова зачёркивала. Вот статью в газету она быстро тогда написала. Про Славдию, Анну-Марию, Рейнгольда и Анжелику Кирпичёву. Хвалили. Напечатали почти без правки. А письмо богатею из списка Форбса как-то не писалось, хотя очень нужно было. В конце концов накарябала она такой текст: «Господин Денисов. Я Кожевникова Инна Леонидовна, родственница биологического отца Наташи Лаце, получившая наследство по его завещанию. Не хотелось бы ограбить младенца, как это сделала тётка её матери. Поэтому убедительно прошу уделить мне пять минут Вашего времени, чтобы изложить Вам обстоятельства наследственного дела и показать документы. Связаться со мной можно по телефону...» На конверте написала адрес небоскрёба, имя большого человека, а ещё приписала: «Личное. Конфиденциальное».

Большой человек не отвечал. Домашний адрес его она не

знала. Телевизионщица Вероника сказала, что у него особняк в Николиной горе. Статусное место, сказала. Значит, познакомиться к нему там не получится. К Царёву обращаться не хотелось. Спасибо, что помог в следственный комитет попасть. Говорил он с ней последний раз очень недовольным тоном. Понятно, напрягала она его. И хватит. Не родня, не подруга, всего лишь отработала у него пять месяцев. Теперь, когда Натальи Петровны нет, у них ничего общего, кроме малой родины.

Пока она оформляла недвижимость. С представителем конторы, занимающейся ведением дел по управлению недвижимостью Игоря, теперь, стало быть, её, поглядела на собственный особняк. Ничего такой домик в Подмосковье оказался. Посёлок такой средний, не дворянское гнездо, как у Денисова, но и не деревня Гадюкино. Место прекрасное, на высоком берегу речки, внизу пляж песчаный. Два этажа, да ещё цокольный, участок небольшой, но ухоженный: беседки, пруд, лужайка. Видела она его, впрочем, только из-за забора. Арендуют-с. Очень удачный арендатор, дипломат. О, иностранец? Да-с, из одной южной независимой. Платят исправно, не извольте беспокоиться.

Где остановилась? Да нигде пока. В гостях, то есть. Нет, к арендатору вопросов нет. Ни к чему ей, одинокой женщине, такие хоромы. Думает квартирку приглядеть. Ещё не решила. Нет, где-нибудь ближе к электричке. Нет, о машине не будем. Водить надо смолоду учиться. И зрение, да. остано-

вите, пожалуйста. Да, назад сдайте. Это что? Продают, вижу. Миниатюрный домишко, и землицы мало? А я бы приценилась! Вы? Ну, звоните сами, коли считаете, что у вас это лучше получается. Да, конечно, и строительный специалист должен проверить.

Почему глянулся этот домик? Оказалось, ей тяжело жить в многоквартирном доме. Шумы, запахи, кругом машины, скученность домов. А в посёлке всё как дома. Место понравилось. На том же берегу той же речки, что дом Игоря. А у моста автобусная остановка. Пятнадцать минут – и ты на станции. А через три остановки совсем недалеко от станции театр «Под сенью лип», где ей обещана должность помощника завлита. Тамара Афанасьевна, когда узнала, фыркнула: «Это называется театр? В полутора часах от Москвы на электричке? В райцентре? Здание – бывший ДК пищевиков, труппа – несколько лет назад из студии в профессиональный коллектив преобразована. У них уже и завлит есть? А помощница чем занята будет? За пивом бегать?» А Инна и этому рада!

Через неделю – звонок с незнакомого номера: «Я – такой-то, юрист холдинга такого-то, изложите ваше дело». Рас-терялась. Потом спросила:

– А как я могу быть уверенной в том, что вы – именно вы, а не проходимец какой-то или скандальный журналист, к примеру? Письмо Денисову я лично посылала. Надо думать, он его не читал?

– Он поручил мне выяснить, в чём ваше дело заключается. Максим Ильич слишком занятый человек, у него каждый день по минутам расписан.

– Чем докажете, что поручил?

Звонивший хмыкнул:

– Послушайте, так ведь и вы личность совсем неизвестная, хоть и представились.

– Вращаемся мы, конечно, в разных кругах. Пожалуй, из всех моих знакомых только один мог удостоиться чести приблизиться к вашему патрону. Свяжитесь с депутатом от нашего избирательного округа. Он подтвердит, что я с террористами не связана и шантажом не занимаюсь. В общем, вполне безобидна.

Отключила телефон. Была мысль Царёву позвонить. Но нет! Лишнее беспокойство. Пусть, если захотят, позвонят ему. Он даже доволен будет, что такие люди обращаются.

Бывают же полезные связи. Через день юрист перезвонил, а она как раз по Москве гуляла:

– Вы можете сегодня к восьми подъехать в наш офис?

– Ну нет, – возмутилась она. – У меня билет на «Пер Гюнта»!

Похоже, собеседник подавился. Что-то хлопнуло, стукнуло. Потом он спросил:

– А сейчас можете?

– Ну... минут через сорок.

– Я пришлю машину.

– На метро я доеду быстрее.

На проходной пришлось немного подождать, впрочем, во вполне комфортных условиях, в мягком кресле. Приехала за ней на лифте девушка стандартной офисной внешности, проводила в приёмную. Инна Леонидовна волновалась сильно, поэтому ничего не разглядела. Только присела, как открылась дверь, вышла какая-то полная дама в годах с бумагами. Однако тут и такие есть!

– Пожалуйста, Инна Леонидовна, – сказала секретарша.

И она проследовала. За мощным столом сидел не очень крупный мужчина. А может, и не мелкий, просто за большим столом потерялся. Это общее впечатление, а так она не разглядела. Потому что зрение неважное, да ещё ухудшается, когда волнуется. Сидит как идол тьмутараканский, молчит. Ясно, такой присесть не предложит. Она подошла к столу, установленному перпендикулярно хозяйскому, поставила на него сумку, вынула из неё файл с документами и сказала:

– Вот. Это о наследстве, оставленном отцом Наташи, Игорем Лопухиным. По завещанию всё отошло мне и брату. Но Наташа как дочь по закону имеет право по крайней мере на половину. Вы, я вижу, человек не бедный, отказались от квартиры в пользу бабки, которая вам ребёнка отдала. Возможно, ещё и приплатили. Но всё-таки это её деньги.

Идол ожил:

– Как вы узнали тайну усыновления?

– Удалось добыть документы.

– О какой сумме идёт речь?

– Ну... миллионов пятнадцать.

– Долларов?

Инна от неожиданности засмеялась:

– Рублей, конечно.

Идол пробормотал в стол:

– Милана, Григория Семёновича пригласите, – почти сразу вошедшему сказал, ткнув пальцем. – Посмотри.

Григорий Семёнович подошёл к ней, выдвинул стул, сказал: «Прошу вас», усадил, надавив на плечи, потому что вообще-то Инна Леонидовна садиться не хотела, сел рядом и взялся за документы:

– Вы позволите?

Быстро пролистал всё, потом ещё раз проглядел внимательнее, но опять бегло, и спросил:

– И что вы хотели?

– Проинформировать приёмных родителей ребёнка о том, что ей положено по закону.

– Максим Ильич?

Идол вскочил и зашипел:

– Ну, ты понимаешь? Документы об усыновлении доступны любому проходимцу! Кто гарантировал, что всё останется в тайне?

– Что делать, в нашей стране раскопать можно всё, были бы денежки. Хотели покоя – удочерили бы вьетнамочку или негритяночку.

– Наташа – дочь! Я не побрякушку покупал!

У Инны Леонидовны отлегло. Даже видеть стала яснее. Она ещё раз оглядела кабинет, теперь уже прояснившимся зрением, и наткнулась на взгляд юриста:

– А скажите, Инна Леонидовна, за сколько эта гадина вам имя назвала?

– Гадина она, да, но тайну вашу не выдавала. Мы хитростью это выяснили.

– Мы?

– Да, мне помогали хорошие люди. Насчёт сохранения тайны не волнуйтесь, они, когда нашли о вас в интернете, сказали, чтобы я с вами не связывалась. Здравомыслящие.

– А вы почему связались?

– Понимаете... мы, Ивановские, детей не бросаем. Я не претендую на ребёнка, просто вот как Максим Ильич сказал: «Моя дочь!», я увидела, что девочку любят. Пусть живёт в любящей семье, и дай бог, чтобы всем вам было счастье. Но... тайное всегда становится явным. Если взрослой уже, а не дай бог, ребёнком, но узнает она о том, что мать родня её продала, а отца ограбила, это же её сломает!

– Она никогда не узнает, – прорычал Максим Ильич.

– Разные бывают обстоятельства. Медицинские, финансовые, просто доброжелатели какие-нибудь, чтоб им сгореть, сами родители могут проговориться...

– Брэк, – сказал Григорий Семёнович надвигавшемуся на неё хозяину кабинета. – Я полагаю, мы можем написать Инне

Леонидовне письмо о том, что супруги Денисовы поставлены в известность о том, что Наталья Игоревна Лаце может унаследовать средства, оставленные Игорем Ивановичем Лопухиным, но претендовать на них не будут? А Инна Леонидовна будет хранить эту бумагу ради душевного спокойствия, а не для того, чтобы её кому-то показывать?

– Давай, – кивнул Максим Ильич.

Инна Леонидовна встала вслед за юристом, но хозяин кабинета буркнул:

– Сидите, – уселся сам и спросил. – Вы, наверное, хотите увидеть Наташу?

– Думаю, это будет неправильно. Вы наверняка окружены вниманием недобрых людей. И ревность...

– Вот, – он обошёл стол, сел рядом с ней и протянул телефон. На видео маленькая круглолицая, почти безволосая девочка стояла, держась за диван. А Максим Ильич сидел на ковре и манил её. Она вдруг сделала пару шагов, оторвавшись от дивана и упала, смеясь, в его объятия. – Первые шаги! А знаете... она ведь на вас похожа!

– Да, увы.

– Почему?

– Очень сильны гены Ивановских. А мы все близорукие. Следите за зрением!

– Ой, надо проверить!

– Не сейчас, – улыбнулась она. – Это с возрастом, ближе к школе. Сейчас только мультики ограничьте.

– Да, ещё волосы...

– Это норма, это у многих так. А у меня почти до двух лет волос не было. Зато потом коса была толстая. В начальной школе девчонки завидовали. А потом я им...

– Почему?

– Бабушка стрижку делать не разрешала.

– Строгая?

– Добрая и умная. А строгая, потому что поповна.

– Значит, у дочери наследственность хорошая?

– По-разному. В любом стаде есть паршивые овцы. Биологический отец Наташи, увы, был таким.

– Я рад, что вы не такая.

Он поцеловал ей руку. Инна Леонидовна сконфузилась. В это время открылась дверь и вошли Григорий Семёнович, Милана и ещё одна юная девушка, блондинка в коротеньком пальто и с ногами от ушей. Впрочем, насчёт юности она, пожалуй, погорячилась. Когда девушка заговорила, даже такая подслеповатая и неискушённая в бьюти-индустрии провинциалка, как Инна Леонидовна, поняла, что здесь работают специалисты, и работают давно. Блондинка сюсюкала, строила глазки, но лицо оставалось неподвижным, только губы слегка кривились.

Григорий Семёнович пробормотал, что супруги Денисовы подписывают отказ от имущественных претензий к присутствующей здесь Кожевниковой Инне Леонидовне, а он с Миланой присутствуют тут в качестве свидетелей. Блондин-

ка пищала беспомощно: «Ах, я ничего не понимаю в этих противных редкоземельных металлах», а сама косила глаза в текст, пытаясь разглядеть сумму прописью. Максим Ильич таял от восхищения и бормотал: «Люсенька, не забивай свою прелестную головку». Наконец подписи получены, Григорий Семёнович выдернул лист из-под пера поставившей подпись последней и сказал:

– Ну, всё. Пойдёмте, я письмо зарегистрирую и проштампую.

И потащил её на выход. Инна Леонидовна только успела на ходу пискнуть: «До свидания». Они пронеслись по коридору и ворвались в небольшой кабинет со стенами матового стекла. Он выдвинул стул ей, рухнул на офисное кресло, облокотился, уткнув лицо в руки и заржал:

– У вас было такое лицо!

– Какое?

– Напряжённое.

– Понимаете, он только показал мне видео с Наташей, я подумала, что богатые тоже люди, и тут... я, извините, вспомнила, что блондинки делятся на «прелесть, какая дуручка», а...

– А Людмила Кирилловна уже перешла в группу «ужас, какая дура», и только Максим Ильич этого не замечает!

Хлопнула дверь. Максим Ильич буркнул:

– Вы второй экземпляр не захватили.

Кинул на стол и вышел.

– Как неудобно получилось! Что теперь с вами...

– Да бросьте! Мстят за слова только дураки, а босс отнюдь не дурак. Не берите в голову. – Встал, открыл сейф, вынул какие-то бумаги, стал что-то писать, потом спросил. – Вы знаете, что ваш знакомый о вас сказал?

– Что-нибудь типа: «Она уже и до вас добралась».

– Примерно так. Но ещё он сказал, что, «если она что-то делает, значит это правильно». Я вот о чём хочу спросить. А если бы босс принял наследство, ведь и брату вашему пришлось бы делиться. Он был согласен?

– Он бы согласился, если бы знал. Но я сама о Наташе узнала неделю назад. И не стала бы ему говорить пока. Эту половину я бы выплатила из своих.

– Почему?

– Мне хватит.

– Ах, Инна Леонидовна, если бы вы лишились этой суммы, я бы попросил ваш телефончик для дальнейшего знакомства. А так... неловко к богатой женщине клинья подбивать.

– Мне это знакомо. Я много лет существовала как человек-невидимка. Помните, он проявлялся только когда одежду на себя натягивал? Так и я. Окружающие видели только мои боты. А с тех пор, как я была объявлена богатой наследницей, некоторых земляков мужского пола стала привлекать моя стройная фигура, правильные черты лица и светлая душа. Прощайте!

– Я вас провожу, – ведя её под руку к лифту, он сказал. – Вы о Людмиле плохо не думайте, она недалёкая, жадная, но не злая. К Наташе привязана. Но с ребёнком нянька больше. Она хорошая.

Бесшумно съехались за её спиной наружные двери. Инна Леонидовна глубоко вздохнула и устремилась к станции метро, а потом обедать, а потом в театр! И к новой жизни!

Глава четырнадцатая.

– Инна Леонидовна, вы почему опаздываете?

– Пробки, – пробасил кто-то, и из разных концов зала раздалась смешки. Наверное, кто-то из опоздавших актёров на это сослался. И не один. Но за три года работы среди этой шати она научилась не тушеваться:

– На тротуаре просторно. Я, конечно, дама объёмная, но урны обходить пока могу. Катю я ещё вчера предупредила, но, если она не сказала, отчитаюсь: была в мэрии, визировала интервью с замом по культуре. Потом отнесла текст в редакцию.

– Что там приятного?

– Краткое содержание: и население, и администрация, любит нас как сорок тысяч братьев. Если бы каждый брат дал по рублику, то мэрия побелила бы театральное здание к юбилею. А так извините. Зато Крым наш.

– Это хорошо... то есть плохо, конечно. Тьфу на вас! Инна Леонидовна, я о чём вас просил?

– О чём?

– Это я вас спрашиваю, о чём?

– Так, посмотрим. Первое: приглашённую звезду отзвездить. Это сделано. Сегодня в вечерних новостях, если никто из заслуженных и народных не помрёт, пройдёт сюжет из нашего гербария: звезда репетирует на этой юбилейной сцене.

– Это же старьё! Это в начале сезона снимали!

– Подновлено вчерашними кадрами: на фоне свежей афиши Томочка с придыханием рассказывает, как ей повезло играть с таким выдающимся партнёром.

– А почему Томочка?

– Господа большие артисты, держите свою зависть в узде! В тот ранний час, когда мимо нас проезжала голубая карета телевидения, а в зале должна была всю идти репетиция, только Томочка уже стояла на пороге храма Мельпомены, сжимая в юной трепетной руке роль Фаншетты. Ещё наличествовали Гера и я. Почему-то оператор выбрал Томочку. Сама удивляюсь. А ведь был у меня шанс засветиться на экране и поразить в самое сердце какого-нибудь олигарха. Может, спонсировал бы он какой-нибудь сериал, где бы я сыграла падшую, но чистую душой пейзажку. Но нет! Обломилась.

– Прекратите ржать! Инна Леонидовна, я о чём вас просил?!

– Так, второе. Творческая характеристика и наградной лист на Поликарпова. Исполнено.

– Где?

– У директора. Наверное, он уже передал в министерство.

– Наверное! Надо знать точно!

– Мне проконтролировать директора?

– Инна Леонидовна, я вас просил подготовить к изданию книгу о театре!

– Не вопрос, материала туча. А где деньги на издание?

– Ищите спонсора!

– Я?

– А кто, я?

– Наверное, администрация!

– Вы относитесь к администрации!

– Точно так же, как тётя Шура, которая моет административные кабинеты. Мы с ней можем постоять у Козьмодемьянской церкви. Но много не дадут.

– Эй вы, не шумите! Прекратите ржать! Я с вами серьёзно говорю!

– Я тоже серьёзно говорю. Нет у меня административных полномочий, и я не медийное лицо, меня в приличное учреждение не пустят.

– Как вы со мной разговариваете!

– Я отвечаю на ваши вопросы. А вы всё шутите.

– Ну вот, шутки кончились. Представляю вам нашего нового завлита, выпускницу театроведческого факультета Кузьмину Галину... э-э?

– Можно просто Галина.

– Обалдеть! А Борисыч куда делся? – спросил Витя.

– Он вышел на заслуженный отдых. Мы ещё проводим его.

Итак, будьте знакомы.

– Очень приятно. А я ваша помощница Кожевникова Инна Леонидовна.

– Это ещё она посмотрит, будете ли вы её помощницей.

– А что Галина без помощницы делать будет? – спросила

Света.

– То же, что и Борисыч – ничего! – заржал Витя. – Небось, сценарий пишет! Пишешь, Галина? Пишет, ишь как покраснела!

– Найти помощницу – не проблема, – отрезал главный.

– На такую зарплату? Даже тётя Шура на неё не клюнет! Галя, возьми меня в помощники! Я даже зарплату получать не буду! Я на общественных началах! Все вечера будут наши! Я даже сценарий твой прочитаю!

– Отстань от девушки, Витька, – сказала Инна Леонидовна. – У тебя все вечера пьянкой заняты. Какой из тебя, на фиг, помощник по сценарной части! И не отбирай у меня последний кусок хлеба, негодник!

– Всё, собрание окончено! Инна Леонидовна, от вас не ожидал!

– А! Пойдёмте, Галина, на рабочее место.

– Инна Леонидовна, у меня вопрос по сценарной части, – увязался за ними юный Пашенька.

– Вот ваш стол...

– Я бы хотела занять этот. Мне нужно естественное освещение.

– Не вопрос, поменяемся.

– Инна Леонидовна...

– Субординация, Пашенька, – кивнув на новую завлитшу, сказала Инна Леонидовна.

– Галина, спойте мне жалостную блатную песню!

– Что вы себе позволяете!

– Ему действительно нужна блатная песня. Он по сценарию с зоны откинулся. А чем тебя не устраивает «По стрелкам мотаюсь, но сердцем лишь маюсь»?

– Жалостней нужно.

– «Шлю тебе последнее письмо» подойдёт?

– Нет, попошлее что-нибудь...

– «Бледной луной озарялся старый кладбищенский двор...»

– Не знаю такую. Что там дальше?

– «А над сырою могилой плакал молоденький вор».

– Во! Оно! Откуда вы такой фольклор знаете?

– Эту песню не задушишь, не убьёшь. С детства в памяти застряло. Все подростки у костра такую мутотень под гитару поют.

– Я сяду сюда? Срисую с монитора аккорды и текст?

– Послушайте, а нельзя ли где-то в другом месте компьютер включить? – возмутилась Галина.

– У нас компьютеры у начальства, в сценарном и в приёмной. Куда пойти прикажете?

– Господи, Пашенька, ты что как пенсионер, – попеняла Инна Леонидовна. – Сгони на флешку, а Катя распечатает.

– Инна Леонидовна, говорят, вы классный молодёжный сценарий Слободянюку нашли?

– Он ещё не смотрел. Я там половину слов не понимаю, но смешно.

– Можно почитать?

– Только здесь. Режиссёр нагрывает, и текст умыкнули.

– Ага, ладно, – Витя плюхнулся в кресло.

– Инна Леонидовна, здесь всегда так?

– Как?

– Это же проходной двор!

– Вообще актёры по делам зашли. Ну, может, сегодня ещё новым лицом интересуются. Пока молодёжь, а потом ещё наши старые ловеласы подтянутся. Это театр, милочка.

– Я вам не милочка!

– Так скажите ваше честное отчество, и я буду к вам сугубо официально!

– Галина Арнольдовна.

Витя взвизгнул и вылетел в дверь.

– Ой, трепло! Понёс отчество в народ!

– Девчонки, можно у вас телек включить?

На экране мелькнуло знакомое лицо.

– Света, подожди, не переключай!

Дикторша тарыхтела: «Арест господина Денисова по обвинению в сокрытии налогов связывают с отзывом лицензии Западного Московского банка. А недавний скандал с его разводом...»

– Инна Леонидовна, можно уже переключить?

Она отмахнулась и судорожно схватилась за телефон:

– Григорий Семёнович! Что случилось? Где Наташа?

– А я ещё вчера ждал, что вы позвоните. Наташа у меня.

Максим ещё на прошлой неделе доверенность на вас выписал. Давайте встретимся.

– Лечу!

Кажется, новая жизнь кончилась. Возвращается старая.